

АНДРЕЙ ХАРИГ

Тропинки
к паучьим гнёздам

АРТУР Х.РИККА

Bon appétit

Артур Х. Рикка
Андрей Хариг

Тропинки к паучьим гнездам

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64238856

Тропинки к паучьим гнездам / Bon appétit: «АРТ-БЮРО КИТОНИ»;

Москва; 2021

ISBN 978-5-91679-065-8

Аннотация

Когда твой друг становится предателем с чистой совестью? А само предательство равно высшей доблести на службе родине? Так трудно поверить в это после спасения друга из кровавого ада вьетнамских джунглей. Или вы оба уже просто машины для убийств, а ваша честь где-то на дне колодца души?

Это история о шпионе и журналисте, оказавшемся не по своему желанию в центре чужой игры. Невероятный сюжетный поворот в, казалось бы, насквозь просчитанном сценарии ГРУ. Переплетение судеб, когда пешка становится ферзем, а давние дипломатические интриги просыпаются через десятилетия.

События узнаешь, как улицы Москвы. Все вроде знакомо, привычно, но вдруг оборачивается так, как совсем не ожидаешь. Сам автор внезапно становится героем книги и событий, меняющих жизни и сводящих их к нулю. А может, это ты – участник игры? И уже не знаешь, когда вступил в нее. И где

заканчивается легенда о шпионах, разведчиках и спец войсках и начинается реальная жизнь, где ты в безопасности... или неведении.

Содержание

Андрей Хариг	7
Часть I	7
Часть II	89
I	93
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Андрей Хариг. Тропинки

к паучьим гнездам

Артур Х. Рикка. Bon appétit

Любое использование текста и оформления книги, полностью или частично, возможно только с письменного разрешения Издателя.

Нарушения преследуются в соответствии с законодательством и международными договорами РФ.

© Артур Хачатурян, текст, 2021

© ООО «АРТ-БЮРО КИТОНИ», оформление, 2021

АНДРЕЙ ХАРИГ

Тропинки
к паучьим гнёздам

АРТУР Х.РИККА

Bon appétit

АРТ-БЮРО КИТОНИ
Москва, 2021

Андрей Хариг

Тропинки к паучьим гнездам

(все события, имена и географические названия в рассказе вымышленные, совпадения случайны)

Часть I

Кукла

Всякое прожитое вами мгновение вы похищаете у жизни: оно прожито вами за ее счет,
Мишель Монтень

*Когда камень падает на кувшин, горе кувшину.
Когда кувшин падает на камень – горе кувшину.
Всегда, всегда горе кувшину.*
Лион Фейхтвангер «Иудейская война»

...Ладонь араба со свистом рубанула воздух, и не уйди я от этого удара в висок, мне бы не поздоровилось. И я вновь оценил те многочисленные часы мучительных и, на первый взгляд, бессмысленных тренировок, повторений одних и тех же движений, доведенных до автоматизма. И только сейчас, впрочем, не в первый раз в жизни, я бы поблагодарил полковника Березина из высшей школы ГРУ за те мучения,

из-за которых тогда так усиленно его проклинал.

Араб плавными кошачьими движениями медленно лавировал, выискивая брешь в моей защите, одновременно нанося фальш-удары, на которые не стоило особенно реагировать. Парень вспотел, и с его лица, то ли от напряжения, то ли от волнения, стекали капли пота, теряясь где-то в густых усах.

Прыжок. Удар. Я подставил блок. Нырок под меня. На этот раз я не успел чисто уйти от нападения. Раздался треск разрываемого материала, и кусок ткани от моих штанов оказался в его сжатом кулаке. Опоздай я еще на доли секунды, и вместо куска ткани в мозолистой руке представителя интернациональной дружбы могли бы оказаться мои яйца. Парень работал неплохо, и чувствовалась школа военных специалистов из некогда родного мне учреждения. Эта адская смесь джю-джитсу, боевого самбо, замешанная на изрядной доле садизма, служила только одной цели – цели «выведения противника из строя», а иначе, выражаясь попроще, быстрому умерщвлению врага. Мы называли это «мгновенный бой», и чем он дольше, тем больше у противника шансов умертвить тебя.

У араба выходило зачетное время. Я чувствовал, что им недовольны. Мне же оставалось только держать защиту. Люди в камуфляжной форме, наблюдавшие за боем, что-то записывали в блокноты, я же внимательно следил, чтобы противник не выкинул напоследок какой-нибудь фортель.

Бой распалил меня, а в глазах араба я видел страх и неуверенность. Да, парень был жидковат для той работы, к которой его так усиленно готовили. Вообще, мало кто из иностранных курсантов становился хорошей «боевой единицей» – то ли их щадили, то ли не хватало в них злости.

Наблюдатели зашевелились у меня где-то за спиной, и я отвлекся. Резкий удар тяжелым армейским ботинком в грудь вывел меня из равновесия и тут же мой торс оказался в замке между двумя жилистыми ногами, которые, закручиваясь, опрокидывали меня наземь. Я знал, что последует за этим. Еще секунда и мой хребет будет переломан резким ударом ребра ладони. До моего падения на пол что-то надо было делать.

Зная, что пока мы падаем, араб не контролирует ситуацию, и его лицо, маячившее за спиной – это мой единственный шанс, я резко двинул локтем назад. Послышался глухой звук удара, хруст раздробленных костей, и я упал на пол с уже парализованным противником на себе.

За моей спиной раздался топот ног. Я привстал, скинув со своей груди обмякшее тело, с подрагивающими пальцами рук. Лицо араба превратилось в кровавое месиво, а голова была неестественно запрокинута назад. Дыхание его было отрывистым, из груди вырывались какие-то булькающие хрипы.

Не успел я встать, как на моих руках защелкнули наручники и двое конвоиров толчками в спину повели меня обрат-

но в камеру, недвусмысленно дав знать, что мое очередное «рандеву со смертью» закончилось. Последнее, что я видел – это бледный инструктор рукопашного боя (сегодня ему достанется от начальства) и врач, которого ввели в бойцовский зал для констатации состояния курсанта (и ему сегодня достанется большая работа по придумыванию причины болезни одного из иностранных учеников высшего военного училища).

Меня опять привели в камеру, и в нос ударил запах заплесневелой одежды и немых тел. Нас там сидело двое – я и Валя. Валя был угрюмым крепьшиом – одним из тех, кто так же, как и я, был приговорен к смерти. Наши приговоры были приведены в исполнение, но, к сожалению, только на бумаге, ну а мы стали «куклами» – призраками без имен и фамилий, живыми тренажерами, на которых тренировались курсанты спецучилищ, подготавливаемые для военных разведок стран социалистического лагеря. Мы были обречены – рано или поздно кто-нибудь прикончил бы нас. Но таков уж человек, он бьется за свою жизнь, руководствуясь уже не разумом, а инстинктом выживания. Пусть даже эта жизнь стала никчемной, пусть она даже ограничивается от боя до боя застенками камер.

Я знал, что вконец ослабевших и изуродованных «кукол» тоже использовали. Не боеспособная «кукла» была нужна, как тренажер для обучения последней с тадии боя – умерщвления противника. Я сам это проделывал не раз, будучи

курсантом, – мгновенный захват головы «куклы» и резкое движение снизу вверх – слева направо, хруст позвонков, и обмякшее тело безжизненно валялось к моим ногам. Тогда я не придавал значения ни этому тоскливому взгляду, ни тому последнему, еще сознательному шевелению губ... Мне было не до этого – я служил Родине.

Я точно не знал, за что сидит Валя. Мы никогда не делились друг с другом своими проблемами, и наше повседневное общение ограничивалось парой обрывистых фраз. Когда я вошел в камеру, Валя лишь исподлобья посмотрел на меня и криво усмехнулся:

– Ну что, пронесло на этот раз? ... – хрипло, как бы нехотя, проронил он.

Я тяжело присел на топчан и отер рукавом кровь с лица. Отвечать ему не имело смысла. Да он и не спрашивал – он констатировал факт. Спина ныла, и при каждом вдохе болела грудь. Я осторожно снял с себя тюремную робу и штаны. Жуткая головная боль валяла с ног. По всему телу разливалась вялость, но это была не та вялость, от которой клонит ко сну. Я улегся на топчан... Прикрыл глаза. Перед моим мысленным взором стала проходить вся моя жизнь. Начиная с момента, когда я стал «машиной для убийства» и до момента, когда приговоренный к смерти «за измену Родине», я ждал рокового прихода конвоира за мной.

Того конвоира, которого тщетно пытался вычислить в каждом, входящем в камеру смертников, находящуюся в

подвальном помещении, в одном из многочисленных тихих особнячков, раскиданных по всему Подмоскovie...

Глоток свежесваренного кофе приятно обжег мне губы...

... Я все пытался понять, вспомнить, как и когда я стал убийцей. В тот день, когда убил первого человека, или в тот день, когда согласился на это в перспективе?

А может, гораздо раньше – еще в утробе матери, какой-то ген дал осечку и встал на свое место не так, как надо? Но нет, это глупо, хотя бы только потому, как будучи десятилетним мальчишкой, я в деревне реагировал на развлечение своих сверстников – надувать лягушек и бить их камнями. Как я плакал, избитый ребятами за то, что пытался остановить эту садистскую игру. И потерпев неудачу, беспомощно наблюдал за тем, как эти чудовищно раздутые через соломинку живые пузыри, нелепо скачущие по асфальту, лопались под градом камней, оставляя на мостовой ярко красные пятна кишок и фекалий. И долго потом снились мне страшные сны – окровавленные лягушки и хохочущие лица мальчишек, обмазанных кровью и кишками своих жертв. Не мог ребенок, так остро реагирующий на смерть, носить в себе ген убийцы... Однако убийцей стал я, а не друзья моего детства, большие походившие на начинающих садистов, чем на будущих инженеров, бухгалтеров и дипломатов...

А может, это проявилось тогда, когда я шестнадцатилетним юнцом, не поступив в медицинский институт, устроился работать санитаром в морг, решив, что прежде чем стать врачом, мне нужно проверить себя – смогу ли я выдержать вид крови? ...

До сих пор помню лицо и имя того первого, которого демонстративно резал передо мной мой будущий коллега – санитар со стажем. Труп когда-то звался Петром, было ему двадцать лет, и доставили его в морг из армии. Причину смерти должен был установить судебный медэксперт, а пока что дядя Ваня, спившийся санитар центрального морга, с профессорской важностью невозмутимо демонстрировал мне специфику моей будущей работы...

Самое страшное было в начале, когда огромный ланцет в первый раз, резко и с силой воткнулся в живот, чуть ниже грудины, вспарывая мертвую плоть сверху до низу, не задевая кишок. И в тот момент тошнота, вынуждавшая бежать подальше и отдышаться где-нибудь в укромном месте, подкатила к горлу. Но я через силу заставил себя смотреть...

Смачный хруст от втыкаемого скальпеля в область груди. Два резких взмаха – и треугольник грудины, треснувший, отделенный от тела, был небрежно брошен дядей Ваней рядом со своим бывшим хозяином. Теперь очередь была за внутренностями. Они были срезаны санитаром, и весь комплекс органов, с предварительно перевязанной прямой киш-

кой, перенесся на соседний стол, где врач-патологоанатом показывал какой кусок какого органа срезать и отправлять на гистологическое исследование. Дядя Ваня срезал указанный кусок и бросал в замызганную банку, стоящую тут же рядом. И в тот момент, завороченный зрелищем внутренностей, неестественно ярко блестящих под искусственно-мертвенным светом ламп, я поймал себя на мысли, что самое страшное позади. Что самое страшное – это первый разрез на теле трупа, а потом человек перестает быть человеком. Все до отвращения напоминало элементарную бойню. Потом дядя Ваня вымыл изнутри живот своего клиента тугой струей воды, бьющей из шланга. Вычерпнул воду черпаком из живота, опустил туда остатки внутренностей, полил все это формалином, накидал тряпок для объема и зашил грубыми нитками кожу. Вот и весь процесс.

Потом меня научили, как мыть и брить трупы, как одевать их, уже одеревеневших. Но все это было ничто, по сравнению с тем первым ужасом, испытанным мной от того первого прокалывания живота огромным, пока что чистым и блестящим скальпелем. Я замечал такую же реакцию у моих друзей, которые с болезненным интересом душевнобольных, узнав, где я работаю, чуть ли не со своими подружками приходили смотреть на вскрытия. Тот же ужас в глазах от первого разреза скальпелем и тот же равнодушный интерес к дальнейшему процессу.

Я был не оригинален в своих ощущениях, и уж во всяком

случае гораздо менее патологичен в своих желаниях, чем те мои друзья – студенты, из других институтов, которые чуть ли не со слезами на глазах упрашивали меня сводить их в морг. У меня была причина работать там – я хотел стать врачом, у них же – лишь болезненное, чуть ли не маниакальное, ничем не мотивированное желание! Но убийцей стал я, а они стали музыкантами, поэтами, инженерами...

Не поступив в институт и на следующий год, я всего лишь расстался с очередной своей иллюзией. А с иллюзиями каждый из нас, даже самый благополучный, расстается в течение всей своей жизни по мере взросления. И последней иллюзией, за которую мы цепляемся изо всех сил – это иллюзия своего собственного бессмертия...

... Передо мной пестрой лентой проносились воспоминания курсантской жизни. Потом было осторожное и вместе с тем властное предложение о том, что мои успехи оценены, и я могу продолжить обучение. Я слышал о Главном Разведывательном Управлении, но эта была как недостижимая высота. Высота, которую мечтал одолеть каждый военный, и я с радостью согласился на это предложение. И началась муштра, заучивание наизусть, казалось бы, абсолютно ненужных вещей. С каждым днем перед нами, офицерами-курсантами, все большие и большие раскрывались бездонные возможности Управления, и с каждым днем раскрывалась его равнодушная, а, следовательно, бесконечная

жестокость. Не прощались никакие ошибки, даже в изучении иностранных языков, свободное владение двумя из которых считалось обязательным.

Из группы в семнадцать человек к финалу подошли только трое. Остальные, не выдержав, выбыли и были раскиданы по всему Союзу; на моих глазах двое сошли с ума от перенапряжения. Зато мы в совершенстве владели всем тем, что необходимо было для выживания на чужой территории. Каждый из нас знал вербовку, владение оружием и приемами рукопашного боя, слежку в густонаселенной местности и на открытых территориях. Мы знали, как обезвредить «хвост», одновременно став его филером и многое другое, что жизненно необходимо разведчику. До сих пор я с гордостью вспоминаю, что сумел преодолеть все эти круги ада, а значит преодолеть себя. Вместе с этим в нас вбили подозрительность и осторожность. Один из наших преподавателей в Управлении говорил, что «подозрительность для разведчика – это жизнь», а жить нам – молодым и здоровым – хотелось всюю...

Долгая борьба с зажигалкой наконец-то увенчалась успехом. Я прикурил сигарету и затянулся.

... После окончания моего обучения я был приказом направлен служить в Красноярск. На самом деле мой Красноярск совсем не соответствовал Красноярску общепринятому и общедоступному. Проехав официальный город на-

сквозь, мы, то есть я и сопровождающий меня офицер, продолжили путь вдоль Енисея. Красноярск остался далеко позади, и только через 90 километров мы добрались до места назначения. Городок, куда нас доставили, назывался Красноярск-26. Это был один из многочисленных засекреченных городов, которые не значились на карте Союза. По всему периметру он интенсивно охранялся, как рядами колючей проволоки, так и караулами с постами. Все местные жители Красноярска-26 имели пропуска, с которыми они не расставались всю жизнь. Эти пропуска ценились здесь гораздо выше, чем паспорта, так как только они обеспечивали возможность попасть в город беспрепятственно. Чужих здесь практически не было, а кто был – те приехали повидать своих близких родственников, служивших в Красноярске. Приезжали сюда только после тщательной проверки Комитетом Государственной Безопасности биографий и самих людей, и только после визирования той же организацией временных пропусков. По меркам Союза, приезжий, попавший сюда, чувствовал себя в хозяйственно-экономическом раю: здесь можно было купить все, что угодно (включая импортные товары) за копейки в буквальном смысле этого слова. Еда, за которую по всей стране выстраивались очереди или которую можно было купить по спекулятивной цене и только по блату, в таких чудо-городках, продавалась с прилавка за гроши и в любом количестве.

Красноярск-26 был уникальным городом-фантомом, в

ряду таких же уникальных городов, разбросанных по всей территории страны. Все его жители своим пребыванием в нем и всей своей жизнедеятельностью были обязаны трем объектам государственной важности. Собственно, из-за них и был создан этот город.

Первый объект среди населения называли «Механическим Заводом». Он выполнял военно-космические заказы и находился в жилой черте города. Зато остальные два объекта были за чертой Красноярска – в промышленной зоне. Они поражали своими масштабами: ИЗО-комбинат и ГРЗ (горнорудный завод). ИЗОкомбинат считался самым жутким местом, поскольку являлся кладбищем отработанного урана. Сюда со всего Союза свозили отработанное ядерное топливо, и здесь, в огромных бетонированных бассейнах – саркофагах глубоко под землей, оно находило свой смертоносный последний приют. Работали тут в основном зеки. Отходы сливались в Енисей. Зеки не знали, где они работают – да им и не положено было знать; но человеку со стороны их вид говорил о многом.

Горнорудный завод, или ГРЗ впечатлял своими масштабами. Если ИЗОкомбинат свидетельствовал о безмерной жестокости государственной машины, то ГРЗ был монументом беспрецедентной мощи и всемогущества государства. Горнорудный завод производил боеголовки, оружие индивидуального пользования, диверсионное снаряжение и многое, многое другое, о чем даже профессиональные военные

не догадывались. Являясь огромным комплексом, он не выделялся не только на карте, но и на «лице Земли». Если можно было бы предположить, что все посты и караулы были бы убраны, то воображаемый грибник, искавший в лесу какой-нибудь боровик, никогда бы не догадался, что стоит на крыше 10-этажного военно-промышленного комплекса, поскольку крышей ГРЗ был лес. На работу туда сотрудники-горожане ехали на электричке. Они просто въезжали в сопку. Огромный комплекс представлял собой город в городе со своим внутренним транспортом, дорогами и коммуникациями. Солдаты-сверхсрочники охраняли только верхние три этажа ГРЗ. Остальные этажи охранялись специальными войсками. Причем охрана одного этажа не знала о том, что находится на другом. Когда я в первый раз на трамвайчике въезжал в сопку с чисто ознакомительной целью, на КПП я в первый раз встретился с человеком, который в последствии сыграл важную роль в моей жизни.

Два солдата внимательно осматривали транспорт, а чуть поодаль, казалось, несколько отстранено стоял высокий светловолосый парень в гражданской одежде. Он не вмешивался в процесс проверки, не задавал никаких вопросов. Просто безучастно, своими серо – стальными глазами наблюдал за происходящим. Я еще подумал, что такими в кино любят изображать фашистов. Я сошел с трамвайчика и, предъявив документы солдату, направился к «фашисту», как я мысленно уже окрестил его. Подойдя к нему, достал

пачку «Казбека», вытащил папиросу, помял между пальцами:

– Спичек не найдется? – дружелюбно обратился я к парню. – Закурить бы, а спички забыл...

Зная, что на территории КПП курить запрещено, я заранее предвидел ответ, но у меня появилось желание вызвать «фашиста» на разговор. «Фашист» внимательно посмотрел на меня, и к моему удивлению медленно достал коробок спичек и протянул мне.

– Покурим? – я протянул ему пачку.

Игра становилась интересной. Парень достал папиросу из пачки, не спеша, смачно продул ее и поблагодарил меня кивком головы. Все это он проделал, не сводя с меня холодного оценивающего взгляда. Я не спешил закуривать сигарету и, как бы поддерживая заданный «фашистом» ритм выжидательных движений, медленно прощурив в коробке, достал спичку. Также медленно поднес ее к боку коробка, ожидая, когда наконец парень произнесет заветные слова.

Нервы у «фашиста» оказались под стать его внешности, в чем я, в принципе, и не сомневался. Специально затягивая процесс зажигания спички, я исподлобья наблюдал за новым знакомым.

«Когда же он не выдержит? В какой форме скажет об этом? Ну же, ... сучонок!» – лихорадочно и с каким – то веселым азартом подумал я.

Но насладиться этой игрой до конца нам так и не дове-

лось. Наше безмолвное противостояние оказалось прерванным пронзительным и по-бабьи писклявым криком:

– Ни хрена себе, раскурились! Лебедь, б...! Курилку устрои! Выйди за шлагбаум, там и кури! ...

Я, несколько удивленный фамильярным отношением, обернулся на голос. Недалеко от нас стоял приземистый, как каравай, майор, туго перетянутый портупеей. Нахмурившись и в то же время с легкой ухмылкой, он смотрел в нашу сторону.

– Слушаюсь, товарищ майор! – звонко и в то же время наигранно подобострастно, отчеканил «фашист» и, слегка улыбнувшись, уже мне добавил. – Выйдем за шлагбаум...

– По службе или просто на экскурсию? – закури и с неожиданной тонкой улыбкой на лице, спросил меня «фашист». Голос у него был ровный и какой-то располагающе нейтральный.

– А разве сюда можно на экскурсию? – я усмехнулся. – По службе, конечно. Просто сегодня первый день, вот и смахиваю на туриста. – Кстати – Степан. А тебя как звать-то?

– Константин. – Он протянул руку, и мы обменялись рукопожатиями. – Понадобится гид – дай знать. Будет время – пообщаемся.

– А как тебя найти – то? Небось, засекречен ты жутко.

– Да не секретней тебя, – он с улыбкой посмотрел на мой гражданский костюм. – А найти меня легко – общежитие у нас с тобой, думаю, одно.

Осмотр трамвая был завершен и я, наспех попрощавшись с Константином, затушил окурок сигареты носком ботинка, и поспешил занять свое место. На этом и закончилось мое первое общение с человеком, судьбе которого волей случая предстояло крепко сплестись с моей...

На третий день своей карьеры в Красноярске я был направлен на охрану ГРЗ. О встрече на КПП я, естественно, позабыл – дел и так было невпроворот. Пока привыкал к местности и изучал свои обязанности, не было времени даже на воспоминания. Потекла рутинная служба. День за днем – день отдыха, день на караул.

Стало душно, и я пошире открыл форточку. Свежий морозный воздух ворвался в комнату вместе с несколькими заблудшими снежинками.

... Так прошел месяц, утомительно – успокаивающий в однообразии работы. В один из дней я был назначен начальником первого караула, охраняющего вход в промышленную зону и части периметра ГРЗ. Первый караул охраняли две роты (девятая и десятая) посменно, то есть, сутки – одна, сутки – другая. В карауле было три смены, и каждая смена отставала по четыре часа два раза, выполняя «боевой приказ в мирных условиях», как официально называлось несение караула. Я сидел внутри караульного помещения между дежурным оператором и «тревожной группой». На смену ка-

раула ходили сержанты с солдатами. В мои обязанности входило распределять караульных по постам, а сержантский состав должен был время от времени контролировать несение службы рядовыми. В это время я сидел с «тревожной группой» на случай срабатывания сигнализации.

Существовало два варианта срабатывания сигнализации: когда колючие проволоки периметра касались друг друга или если была нажата «тревожная кнопка», находившаяся на КПП. На каждом посту по всему периметру имелись розетки, и часовой был обязан через каждые 15–20 минут подключаться находившейся в его распоряжении трубкой к одной из них и докладывать обстановку начальнику своего караула, то есть мне.

Было около четырех часов дня, когда из кабины оператора послышался зуммер, и тревожно замигала красная лампочка.

– Стрельба на шестом посту! – крикнул оператор, не оборачиваясь к нам.

– Тревожная группа в ружье! – тут же крикнул я. – Шестой пост! ...

И пока сержант с рядовым, прихватив автоматы, бросились к шестому посту, я внимательно прислушивался к переговорам оператора с соседним, седьмым постом.

Вдруг оператор резко прервал переговоры и повернулся ко мне:

– Седьмой докладывает: выстрелы на шестом! ...

Один выстрел – было ЧП! Но выстрелы!.. Я быстро забрал АК и побежал к КПП.

– Выстрелы! ... Выстрелы! ... На шестом очередь! ... – увидев меня, закричал караульный.

– Да не ори! Знаю. ... Пропускай на периметр! – в сердцах прикрикнул я на него и ринулся в проход из проволок по направлению к шестому посту.

Мне уже были видны сержант с рядовым тревожной группы, подбегающие к месту. Я нагонял их.

К шестому посту мы подбежали почти одновременно. Сержант замахал рукой, увидев что-то и давая тем самым понять рядовому, чтобы тот притормозил и не подходил близко. Одновременно он обернулся, как бы уступая мне дорогу. Я не видел, что находится впереди – мне мешала спина сержанта. Но когда он отошел, мне стал виден стоящий часовой, держащий в безвольно повисшей руке АК. Он был бледен и смотрел перед собой ничего не выражающим взглядом, с побелевшими белками глаз. Молодой стриженный пацан, так и не понявший, что он наделал и как испортил всю свою дальнейшую жизнь, смотрел на наше приближение, но ничего не менялось на его лице. Рядом с ним, точнее у его ног, лежало тело проверяющего сержанта. При виде нас часовой ровным, лишенным всяких интонаций, мальчишеским срывающимся голосом сказал, ни к кому не обращаясь:

– Вот. ... Это я – убил... Я...

Рядовой тревожной группы вдруг согнулся и начал бле-

вать прямо перед собой. Побледневший сержант, схватил его за локоть и оттащил в сторонку.

Труп выглядел устрашающе. Вместо головы было сплошное месиво из костей и мозгов. Из изуродованного обрубка шеи тонкой слабеющей струйкой, пульсируя, сочилась кровь. Но самым нелепым, неестественным, почему-то выглядела обезображенная культя правой руки. По-видимому, сержант инстинктивно прикрыл лицо при выстрелах, и пулями ему снесло ладонь.

Часовой беззвучно стоял, не реагируя на нас, и смотрел остекленевшим взглядом на труп. Медленно я начал подходить к нему. Спокойным голосом, стараясь не накалять обстановку, я заговорил:

– Все хорошо, парень... Все нормально... Все хорошо... дай автомат... все нормально, дай автомат...

Я подошел к нему вплотную и, медленным движением забрав оружие, передал его сержанту. Как только автомат оказался у сержанта в руках, я резко рубанул часового под дых. Тот согнулся и присел на землю. Взгляд стал более осмысленным. И тут вдруг он обхватил руками голову и завыл. Удар, по-видимому, вернул его в реальность, и только сейчас он осознал, что наделал.

Одного солдата я приставил ко все еще воющему часовому. Приехала машина забрать труп. Стал накрапывать мелкий холодный дождь. Трое солдат уже подходили к бетонированной «тропе наряда» с ведрами воды набранной из

Енисея, для того, чтобы смыть кровь с бетонки. Капли дождя стали крупнее, и по бетону медленно тягуче стали растекаться ярко алые ручейки. Труп уже забрали в машину, и «Газик» маскировочного цвета, натужно урча, отъехал от КПП. Успокоившийся часовой понуро брел в сопровождении охраны в сторону караула. Трое солдат уже почти смыли кровь с бетона, и спустя двадцать минут на шестом посту все снова было тихо. Енисей все так же равнодушно катил свои серо-стальные холодные воды под вечно пасмурным морозящим небом.

Солдата, убившего часового, судили. Точную причину его поступка я так и не узнал, да особенно этим и не интересовался. Говорили, что он прикончил сержанта, выпустив ему в голову длинную автоматную очередь, когда тот спал. Сержант был дембелем, и регулярно доводил салагу. Впрочем, такие взаимоотношения в армии встречаются сплошь да рядом, вот только финал их обычно бывает не таким кровавым...

На следующий день меня вызвали к начальству на доклад по этому случаю. Я, собираясь доложить о произошедшем ЧП, стоял перед командиром роты капитаном Стасовым в военной форме, внутренне готовый к очередной дежурной выволочке. Стасов слыл мужиком хоть и крутым, но справедливым. И единственное, что могло сделать его неуправляемым, – регулярные запои, которые тщательно покрывал его закадычный друг, дежурный заместитель коменданта

объекта майор Лемешев. Кстати, это был тот самый майор, которого я встретил в свою первую, «экскурсионную» поездку у КПП и который, разоравшись, не дал нам с «фашистом» доиграть ту глупую мальчишескую игру с прикуриванием.

Плотная фигура Стасова и грубые черты его лица дополняли образ служаки, который потом, кровью и долгими годами тяжелой службы добивался того, что имел на сегодняшний день.

Капитаном Стасов стал по злой иронии судьбы. Бывший подполковник, он был разжалован до капитана из-за своих запоев во время несения боевого дежурства и за неуважительное отношение к высшему командному составу. До этого Стасов занимал высокую должность зам. командира полка по полит. части, но после всех его злоключений был понижен в должности до командира роты.

Когда у Стасова начинался запой, на вышках караулов все приходило в движение. Раз в месяц совершенно трезвый Стасов, заступая начальником караула, начинал поглощать невероятное количество браги, которая хранилась вдали от глаз начальства, на чердаке караульного помещения. В тот же вечер все караульные и часовые, зная, как несет свое «боевое дежурство» капитан, старались редко попадаться ему на глаза, а если уж такое случалось, то моментально выполняли все его приказания.

В это время часовые КПП прятались подальше за укры-

тия, так как Стасов ночью выходил «на охоту». Охотничьи инстинкты капитана проявлялись весьма своеобразно – будучи когда – то снайпером он, пьяный вдрызг, поднимался на ближайшую сопку и начинал палить по тускло мерцающим фонарям КПП из «калашников». Даже в таком состоянии и из такого оружия Стасов умудрялся попадать в цель.

Утром, проклиная на чем свет стоит своего кореша, Лемешев угрюмо доставал заранее припасенные лампочки, раздавал часовым, чтобы те вкрутили их на место, и никто из вышестоящего начальства случайно не заметил того, что натворил его друг. Потом он шел домой к Стасову, который каялся, клялся и божился, что большие капли в рот не возьмет. Вот такой был капитан Стасов, которого ласково и уважительно называли в солдатской среде «батей».

– Ну что, капитан, не углядел. Сидишь себе в караулке, чай попиваешь, а у тебя под носом друг друга убивают! – «Батя» тяжёлым взглядом смотрел на меня, ожидая реакции на сказанное.

– Виноват, товарищ капитан! Но при первом же предупреждении оператора «тревожная группа» вместе со мной вышла на периметр...

– А мне насрать – при первом или при втором! Превратили армию в дерьмо на палочке! Да за такое в наше время имели, как худых свиней! ... – орал в сердцах «батя», а у меня отлегло от сердца. Если Стасов перешел на отвлеченные темы дисциплины и «ихних дней», это означало, что я вы-

зван для профформы.

Я стоял и слушал отборнейший мат на тему зеленых салаг и их поведения.

– Ладно, капитан, хрен с ним, со всем этим – просто пацана жалко, ведь так и не понял, что натворил, салага херов. – Стасов устало взглянул на меня. – Сейчас придет старший лейтенант. Вместе с ним проведешь разъяснительную работу среди служащих. Кропиленко! Лебеда сюда!

Дверь открылась, и в кабинет к Стасову вошел мой знакомый Константин.

– Знакомьтесь! Капитан Степан Карташов, – Стасов церемонно указал рукой на меня, потом кивнул в сторону Кости, – Лейтенант Лебедь. Доложите о результатах работы лично мне. Свободны. ... Оба!

Мы переглянулись с Костей, отдали честь Стасову и вышли из кабинета. На следующий день «батя» ушел в очередной запой...

Есть люди, которые как бы «прошивают» собой твою жизнь. Их можешь долго не видеть. О них можешь долго не слышать. Но вдруг они появляются в твоей жизни. Появляются ненавязчиво, как будто случайно. Проводят с тобой какое-то время и снова исчезают. И у тебя не возникает, как бывает часто в других случаях, вопроса – «почему их так долго нет?». Потом, а может и никогда, ты понимаешь, что на самом деле они делают на твоей жизни оче-

редной стежок собою. И тогда ты начинаешь ожидать их появления, но при этом удивляешься, если они появляются чаще обычного. Я их называю «люди-стежки».

Таким «человеком-стежком» был для меня Костя Лебедь. Я всегда хорошо к нему относился. Он не был со мной особо откровенен, да и я тоже не открывал ему душу, но мы симпатизировали друг другу.

... Разъяснительную работу среди состава мы провели в тот же день. Наш лексикон и стиль мало чем отличались от стиля разъяснений, которые сделал мне Стасов у себя в кабинете. А вечером я сказал Косте, что не плохо бы было отметить нашу встречу. К тому времени мне выдали служебную квартиру, и мы решили посидеть у меня. Костя предложил пригласить свою знакомую, работающую продавщицей в магазине, а у знакомой, естественно, оказалась подруга. И мы в предвкушении приятного вечера, купив нехитрую снедь и несколько бутылок «Столичной», отправились ко мне. Девушки должны были прийти позже.

Зайдя в квартиру, Костя чинно осмотрел ее:

– Хоромы! ... Очень даже! Вот, что значит звание... – он хитро улыбнулся.

– Да брось ты... – отмахнулся я. – Времянка, она и есть времянка. – И достав бутылку водки, стал ее открывать.

– Ну что, ... по пятьдесят за встречу, а потом накроем стол? – не дожидаясь ответа, я уже разлил водку в две

рюмки. Одну с напускной важностью вручил Косте, вторую взял сам.

– А что? ... Больные что ли! – Костя взял рюмку. – Ну, за встречу! За удачу! ... В общем, будем! – и, чокнувшись со мной, лихо по-гусарски, залпом выпил водку.

– Будем. – Откликнулся я и опрокинул свою рюмку. – Так, а теперь за работу, лейтенант Лебедь!

– Есть, товарищ капитан!

И Костя комично взял на караул кухонным ножом.

Поскольку сам жилой район городка был маленький, то встречать знакомую Кости с ее подругой было незачем. Они и так прекрасно сориентировались в надиктованном Костей адресе, и вскоре раздался звонок в дверь. Костя пошел открывать, а я поспешино довел до ума созданный нами на столе натюрморт.

Знакомую Кости звали Зиночка – стройная, невысокая, с пышно взбитой прической и миловидным лицом она оставляла очень приятное впечатление, чего трудно было сказать о ее подруге. Сам Костя, видно тоже не ожидал такого расклада и, судя по всему, был разочарован не меньше моего. Шура, как представилась подруга, выглядела противоположностью Зиночки. Дородная, с химией на голове и тяжелыми чертами лица она могла вызвать только желание подчиняться. Работала она, как потом выяснилось, врачом в местной поликлинике, и, возможно, была даже врачом хорошим, но в создавшейся ситуации ее профессионализм ин-

пересовал нас с Костей меньше всего.

Костя, бросив на меня виноватый взгляд, воскликнул нарочито бодрым голосом:

– Ну! Присаживайтесь за стол, познакомимся поближе, – и снова взгляд в мою сторону.

Галантно улыбнувшись, я пододвинул стул Шура. Та, церемонно кивнув, неловко подтянула юбку и села. Костя уже поспешно разливал водку, что-то весело щебеча своей Зине. Я невольно с завистью посмотрел в их сторону.

– За наше знакомство! – Костя поднял стакан, и все выпили.

– Шурочка, закусывайте, не стесняйтесь. – Костя, видимо, решил взять инициативу в свои руки, так как я ее не проявлял ни в какой форме.

Словом, вечер прошел весьма весело для Кости с Зиной и весьма напряженно для меня. Я налегал на водку, впрочем, так же, как и Шура, но это никак не отразилось на моем настроении. Веселости мне не прибавляли и пьяно-похотливые взгляды доктора, которая, по-видимому, считала, что я должен как-то проявить себя, в том числе и как мужчина. Завязавшийся между нами весьма вялый разговор большей частью сводился к ее работе. Костя с Зиной отошли покурить на кухню, и мы остались одни. И тут Шурочка, по-видимому, решив, что мне мешает раскрыться моя природная стеснительность, сказала:

– Налейте мне лимонада, Степан. – При этом она при-

двинулась ко мне и, тяжело дыша в лицо перегаром, придавила, как бы невзначай, своей большой тяжелой грудью мою ладонь. Осторожно освободив руку, я налил Шуру лимонаду и улыбнулся через силу. Ситуация очень напоминала со-
вращение малолетнего, но я ничего не мог с собой поделатъ. А когда дама для пуцего эффекта решила продемонстрировать свои налитые и небритые голени, как бы случайно приподняв юбку, я с виноватой улыбкой предложил ей выйти покурить на балкон.

Словом, вечер был для меня безвозвратно испорчен, и я чуть ли не с благодарностью посмотрел на Зиночку, когда та засобиралась домой. Дамы попрощались со мной и ушли в сопровождении Кости. Последнее, что я заметил, был презрительно-разочарованный взгляд Шуры, брошенный в мою сторону.

Утром меня разбудило громкое урчание холодильника. Иногда, особенно в выходные, я даже подумывал отключать «ЗИЛ» на ночь, потому что когда он включался, было такое ощущение, как будто в нем сидит джинн и пытается изо всех сил выбраться наружу. Проснулся я, естественно, с головной болью и, наспех позавтракав, вышел на службу.

С Костей я встретился днем и ругал его на чем свет стоит. А он беспечно смеялся, когда я описывал сцену своего обольщения Шурочкой.

– Ну, извини ты меня, капитан! Я и сам не знал, что так будет, – задыхался от смеха Костя. – Во всяком случае,

бюллетеней тебе не видать никогда.

Вот так мы и сблизились с Костей. Иногда встречались по службе, иногда устраивали нехитрые холостяцкие застолья. И тот период моей жизни всегда ассоциировался у меня с ним. Через полгода меня перевели в спецотряд охраны на четвертый этаж ГРЗ, а там, в условиях строгой изоляции, с Костей мы уже не встречались.

За окном, по улице, завывая сиреной, пронеслась одинокая «скорая», освещающая округу сюрреалистическим светом «мигалки».

... Я не фаталист. Хотя с моей профессией трудно им не стать. Следующая наша встреча с Костей состоялась только через пять лет в Анголе. Там, в 19... году был развернут советский госпиталь с целью оказания квалифицированной медицинской помощи по линии интернациональной дружбы. Естественно, в состав госпиталя входили военные специалисты, поскольку в основе советского альтруизма (в прочем, как и любого другого) лежали вполне прагматичные задачи других, совсем не медицинских служб. Мне тогда было 35 лет, и я был назначен заместителем начальника госпиталя по хозяйственной части с инструкциями весьма далекими от медицинского хозяйствования.

Был сухой ветреный день. Мне отдали приказ сопроводить группу врачей, срочно вылетающих на вертолете в ка-

кую-то богом забытую деревню для оказания медицинской помощи местному царьку. Этого требовало не столько здоровье царька, сколько политические соображения. Поэтому группа состояла из начальника хирургического отдела Сергея Ивановича, невысокого худощавого и очень опытного 60-летнего хирурга, начальника нейрохирургического отдела (не помню, как его звали) 39-летнего мужика и меня. За десять минут до вылета я был отозван в госпиталь по какому-то срочному делу и вместо меня с врачами по приказу вылетел Витя Петренко, курсант службы наблюдения. У нас были хорошие с ним отношения, и перед полетом мы обменялись парой дежурных шуток насчет здоровья наших черных братьев. Витя спешил вернуться, поскольку у него был четырехлетний ребенок и жена на сносях. Я пожелал другу удачи и умчался по своим делам, договорившись встретиться с ним, как только все утрясется.

В тот же день вечером я стоял, онемевший, приблизительно там же, где состоялся наш с Витей дневной разговор, и молча смотрел, как раскладывают на расстеленном на земле брезенте обезображенные части тел Вити, Сергея Ивановича и пилота. Тело нейрохирурга еще не было найдено, хотя и велись очень интенсивные поиски. Вертолет разбился над каким-то ущельем. Причиной стал то ли сильный порыв ветра, снесший вертолет на скалы, то ли что-то иное. Но ужасный смысл произошедшего от этого измениться не мог. Вместо Вити на том брезенте дол-

ужен был лежать я, если бы слепой случай за десять минут до фатального полета не predetermined мою судьбу. Из-за прихоти какого-то полуграмотного царька, которому вдруг взбрело пожаловаться на разболевшуюся голову, и из-за идиотизма командования, пожелавшего подольститься к правительству Анголы – иначе ничем не объяснить срочность вылета – у Вити осталась вдовой беременная жена и сиротой – сын. Об остальных пассажирах вертолета я не говорю – их я знал только в лицо.

На следующий день в госпиталь приехала специальная поисковая группа из Союза, и каково было мое удивление, когда в руководителе группы я узнал Костю Лебеда. Костя возмужал, заматерел. В нем чувствовалась та особая спокойная уверенность, которая отличала опытных офицеров специальных войск от обычных армейских служаек. Подойдя ко мне, он, слегка улыбнувшись, подал мне руку, и мы поздоровались. Судя по всему, в отличие от меня Костя знал, кого он здесь встретит. Так что особых чувств на его лице я не прочел.

– Капитан Константин Лебедь, – полушутя представился он с особым ударением на слове «капитан».

Я решил поддержать предложенный тон разговора:

– Капитан Степан Карташов, – ответил я. – Пройдем внутрь, капитан, поговорим.

Я решил не менять тона разговора, хотя меня начала раздражать манера поведения Кости.

– Да брось дуться, Степа. – Костя хлопнул меня по плечу, как только мы вошли и закрыли дверь. Он словно понял, что со мной происходит. – При всех просто как-то неудобно было ... Что ты нос повесил? Да и столько лет прошло...

– Тоже мне, актер Большого Театра. – добродушно про бурчал я. – Садись, придется сегодня организовать поисковую группу. Ты-то с какими указаниями здесь насчет поисков?

– Да, просто. Поискать. Посмотреть... ну, найти кое-что, – как-то неопределенно ответил Костя.

– Ладно, – я достал фляжку. – Давай по пятьдесят на дорогу, за встречу. А там – вперед.

Залпом выпив водку, мы принялись к организации поисков.

Только на пятый день мы смогли обнаружить тело нейрохирурга. Его то ли выбросило взрывом из кабины вертолета, то ли он сам в последний момент успел выброситься. Труп невозможно было бы опознать, если бы не форма и документы. Он был объеден животными, и из распоротого живота свисали полусъеденные кишки.

Прочесывая очередной квадрат на вертолете, мы заметили над одним местом скопление грифов. Благодаря этому и нашли тело. Когда подошли, то были почти оглушены жужжанием огромных зеленых мух. За большим камнем, где по описаниям должны были находиться останки, мы испугнули двух гиен, которые недовольно покряхтывая, от-

бежали на безопасное для себя расстояние. Запах разложения был настолько сильным, что одного из нас вытошнило тут же. Вид у трупа был страшный: выклеванные глазницы, выеденные щеки... словом, как ни кощунственно это звучит – тем троим повезло больше.

Что произошло на самом деле с вертолетом, я так и не узнал. Но пока одна часть приехавшей группы во главе со мной искала тело пропавшего нейрохирурга, вторая часть группы во главе с Костей обследовала то, что осталось от машины, и, забрав с собой какие-то детали с вертолета, уехала обратно.

С Костей нам так и не удалось посидеть по-дружески. Странная это была встреча – каждый из нас, чего-то уже добившийся в жизни и карьере, как будто пытался сохранить свои тайны, боясь, что невольно выдаст их при более тесном общении. Только в конце, когда группа уже отъезжала, выпив еще по пятьдесят на посошок, Костя обронил:

– Ты уж извини, брат. Хотелось бы посидеть с тобой, выпить, вспомнить прошлое. Да сам понимаешь – служба, – Он как-то неопределенно помотал головой, – ... Служба...

И он вышел к машине. Я смотрел ему вслед, и какое-то чувство – то ли сожаления, то ли жалости к своему прошлому и к этому человеку – грызло меня. Наконец машина отъехала, и я, махнув ей вслед рукой, зашел к себе, налил водки и выпил, произнеся грустно: «Ну! ... Будем» ...

Через полтора года я был переведен в Москву в аналити-

ческий отдел по азиатскому региону...

Я вытянул затекшие ноги и поудобнее устроился в кресле.

... Шел 19... год, когда меня, офицера из штаба ГРУ, вызвал мой непосредственный начальник – полковник Федосеев. Эти вызовы были обычным делом, и я раз в неделю, по четвергам, докладывал ему, делая выкладки и аналитику по информации, поступающей от нашей агентуры в Штатах и из прессы США за неделю по поводу Вьетнамской военной компании. Однако на этот раз был понедельник, и это было, по меньшей мере, необычно.

Собрав всю имеющуюся информацию за день, я вошел в кабинет полковника.

– Капитан Карташов по вашему приказанию прибыл...

Федосеев взмахом руки предложил мне сесть. Серые пронзительные глаза смотрели на меня из-под седых бровей спокойно и изучающе. Он бросил взгляд на документы, которые я держал в руках.

– Нет, капитан, сегодня мне не нужен твой доклад. Сегодня будет другой разговор ...

Я тщетно пытался разгадать по его лицу причину вызова.

... Влажная затхлость тропического леса давила невероятно и если бы не опыт и тренировки, вряд ли кто из нас,

восьмерых офицеров ГРУ, смог бы выдержать темп ходьбы, заданный тремя вьетнамскими проводниками.

Я шел первым, зорко следя за маячившим впереди вьетнамцем с маленьким рюкзачком на спине. За мной шел Костя Лебедь. Как он оказался на этом задании, я так и не понял. Еще одна непредсказуемость судьбы или какой-то ход конторы? На такие вопросы у нас не принято было искать ответы. Костю мне просто представил полковник Федосеев, так же, как и всех остальных. За Костей шел еще один офицер – жилистый сухопарый парень с восточными чертами лица. За ним еще один проводник-вьетнамец. За вьетнамцем – еще двое ГРУ-шников. За ними снова один проводник. И цепь замыкали, зорко присматриваясь к проводнику и окружающим джунглям, еще трое офицеров.

Такое построение каравана было не случайным, ведь местное население относилось к советским «спецам» так же недружелюбно, как и к штатовским. Всем было ясно, что на самом деле происходит элементарное деление зон влияния между двумя сверхдержавами. Именно поэтому мы тщательно следили за своими проводниками, пытались предугадать их малейшее отклонение от намеченного маршрута. Вьетнамцы прекрасно об этом знали... Знали и в тот момент, когда вешали на свои узкие спины аккуратные защитного цвета брезентовые рюкзаки, в каждом из которых находилось по полкило отборного тротила с запалом. Знали об этом и сейчас, когда бесшумно скользили под

пологом тропического леса: три тени, несущие свои смерти на своих же плечах. Эта была наша гарантия, что нас обязательно выведут туда, куда нам надо. Посмей только кто-нибудь из вьетнамцев исчезнуть или побежать не в ту сторону, посмей только они привести нас в руки противника и тут же от нажатия дистанционного контакта, беспечно болтающегося на груди каждого из нас, взорвется рюкзачок – тот рюкзачок, который мы пожелаем взорвать. Это знали наши проводники, и это знали мы. Поэтому в бесшумной согласованности работали мы и вьетнамцы, поэтому так внимательно следили мы за рюкзачками – залогом нашего возвращения из этого ярко-зеленого ада...

Нас было восемь отлично подготовленных военспецов. Каждый из восьми представлял ценность уже сам по себе, и я прекрасно понимал, что, собирая нас в диверсионный отряд, командование ГРУ осознавало всю трудность возложенного на нас задания. Мы, оснащенные всем необходимым диверсионным оружием, должны были проникнуть в один из лагерей вьетнамцев, любой ценой взять захваченного в плен нашего человека и привести его «живого или мертвого» в дислоцированный на левом берегу Ха Янга лагерь. С нашей стороны потери при этом могли быть любые, и об этом знал каждый из нас восьмерых, знал с того момента, когда вместо документов, оставленных в сейфах ГРУ в Москве, нам выдали маленькие алюминиевые жетончики. Не было уже ни имен, ни фамилий. Было только восемь ше-

стизначных номеров, бесшумно пробирающихся в чаще леса. Мы могли и не возвратиться, но жетончик, аккуратно снятый с трупа, должен был после операции лечь на стол полковника Федосеева. По числу бесхозных жетонов определялось число извещений о гибели при исполнении «интернационального долга». Последняя услуга, которую должен был оказать каждый, это жетон погибшего товарища на твоей шее, болтающийся рядом с твоим собственным. Об этом знали все восемь офицеров, об этом напоминали нам наши жетоны, пока что висевшие каждый на своем месте.

Но лицо человека, ради которого мы рисковали собой, знал только я – командир группы. И только я знал, что это – заместитель министра иностранных дел СССР, Шукшин Федор Моисеевич, которого банда вьетнамцев третий день держала у себя, требуя за него одного из своих главварей и целый арсенал оружия. Эта информация не просочилась никуда – ни в печать, ни на телевидение. Шукшин ехал во Вьетнам с заданием договориться об адекватном союзе между нами и вьетконговскими формированиями, манипулируя пленным вьетнамским главварем. А вместо этого сам попал в засаду, и теперь манипулировали им, желая получить вьетнамца, а заодно и оружие в придачу. Операция была строго засекречена, и от ее успеха зависел политический имидж Союза в этой войне. Живым или мертвым, но Шукшин должен был быть доставлен в Союз в ближайшие три дня. В противном случае вьетнамская сторо-

на, при невыполнении поставленных условий, грозила выдать его Штатам, а это означало крах так упорно рекламируемой идеи политического нейтралитета СССР. Мертвый Шукишин в Союзе – это еще один умерший от инфаркта «активный партиец-коммунист». Живой Шукишин, возвращенный Штатами в СССР, – это политическая шумиха, ставящая крест на имидже «международного проповедника мира», чего так желала «Империя Зла». Скажу заранее, что впоследствии нигде так и не появилась информация о поездке Шукишина во Вьетнам, только все чаще возникали заметки с требованием мирного урегулирования американской агрессии Штатов в отношении Вьетнама и ноты протеста, регулярно засылаемые министром иностранных дел Семичастным и нашим послом в США Добрыниным.

Ни ЦРУ, ни какая-либо другая иностранная разведка, так и не узнали об этой акции, потому что после нее ни вьетнамцам, ни тем более американцам, нечего было предъявить международному сообществу.

В джунглях нет дорог, и даже если они и бывают, то при сложившихся обстоятельствах их стоит избегать. Для того, чтобы это понять, не надо иметь диверсионную подготовку. Дорога в джунглях – это смерть! Смерть разная, посеянная с чисто азиатской изоциренностью. И даже бредя чащей непролазных лиан, в самой непроходимой части зарослей, нельзя быть уверенным, что твой следующий шаг бу-

дет так же безопасен для здоровья, как и предыдущий. Вот почему первым в непролазную чащу или на подозрительную поляну выходил проводник, и если он исчезал, то знал прекрасно, не окажется он через несколько секунд вновь в поле моего зрения – он труп. Мы пробирались в чаще за ним след в след, движение в движение. Бесшумно, как тени, не видимые, готовые большие к бою ножами с ртутной центровкой, чем автоматами, оглушительно предательскими в этой хрупкой тишине тропического леса.

Наконец идущий впереди вьетнамец застыл, предупредительно подняв руку – все правильно, мы у цели. Группа мгновенно передислоцировалась, двигаясь бесшумным кольцом. Теперь наши проводники стояли поодаль, и я краем глаза следил за ними. Костя прошел вперед, и по его напряженной поступи было ясно, что там впереди первый пост противника. Справа от меня офицеры медленно, в полисага, прочесывали лес. И я понял по застывшим фигурам каждого, что ближайшиe посты противника обнаружены, и каждый выбрал свою жертву. Мне только оставалось дать команду. Я жестом дал знать одному из наших, чтоб он следил за проводниками, а сам медленно стал выходить на лагерь. Перед тем, как начать действовать, надо было определить, хотя бы приблизительно, местонахождение Шукишина.

Я пополз вперед, медленно и аккуратно. Заведомо зная, где находятся ближайшиe посты противника, я прошел между ними. Вот за кустом, под деревом, прикорнул вьет-

намец, которого «пасет» Костя. Маленький, как подросток, он прикрыл глаза и, по-видимому, вздремнул. Никто из нас, работающих с вьетнамцами, так и не научился отличать их по лицам. Иногда казалось, что ты общаешься с одним и тем же человеком.

Осторожно обогнув кусты, я пополз дальше. Если узкоглазые имеют специальную подготовку, то за внешним кольцом охраны должно быть дублирующее внутреннее, более тщательно отработанное. Зелень пошла резко на убыль, и я заметил «гнездо» с засевишим там пулеметчиком, а за его спиной, в предрассветном тумане влажных испарений, раскинулся маленький лагерь со всей своей атрибутикой.

Котел кухни, штаб, казарма, а вон тот сарай с тремя часовыми, по-видимому, и есть тюрьма, туда нам и нужно добраться. Лагерь был довольно многолюдным, что не удивительно, учитывая тот ценный груз, который в нем содержался.

Теперь нам надо было опять осторожно отступить вглубь леса и подойти к лагерю со стороны сарая. Но сначала следовало довершить начатое, то есть снять этих караульных. Снять тихо, не привлекая внимания. Потом сделать бесшумный бросок, так же тихо снять караульных со стороны сарая, а уж потом войти в него. На все это нам отводилось не больше сорока минут, поскольку самое позднее через это время произойдет смена караула. Я под-

полз уже вплотную к пулеметному гнезду, когда дверь сарая со скрежетом отворилась, и из-за двери появился Шукишин. Я замер. Его, по-видимому, не охраняли, да это и не имело смысла. Куда бы он убежал со своей партийной подготовкой в этих непролазных джунглях.

Я медленно повернул голову назад и по напрягшемуся лицу Кости понял, что он оценивает ситуацию так же и готов, параллельно со мной, снять своего караульного. Сомнений не было, что остальные шестеро офицеров повторят этот маневр почти одновременно со мной. Я кивнул Косте, и он весь подобрался.

Полог тропического леса и блики, уже игравшие на зелени подлеска, должны были скрыть наши действия. Я осторожно подкрался к караульному, и с этого момента для меня не существовало больше ничего, кроме меня самого и того парня в каске защитного цвета, ощупывающего взглядом какую-то гряду с шевелящимся папоротником напротив. Но я то был у него за спиной! Инстинкты предельно обострились, и восприятие окружающего мира стало намного контрастнее. Любой, даже самый незначительный шорох отдавался в ушах оглушительно звонко.

Надо было снять часового быстро и, самое главное, бесшумно, а залог бесшумности – это только мгновенно перерезанная трахея и выбитый из рук автомат.

Я осмотрелся еще раз, мысленно сосчитал до трех и бесшумно прыгнул в траншею. Парень боковым зрением заме-

тил движение за спиной, но успел только вздрогнуть всем телом от неожиданности. Лево́й рукой, схватив его за подбородок, я резко надавил ножом на горло и почувствовал, как по руке ударила теплая струя воздуха из трахеи, так и не ставшая криком. Все описанное произошло почти мгновенно, и одновременно с этим я выбил ногой автомат из его рук – послышался хруст переломанного пальца, застрявшего в спусковой скобе оружия. Рот вьетнамца исказился в болезненном беззвучном крике, и только из перерезанной трахеи вырвался красными пузырями резкий поток выдыхаемого воздуха. Вьетнамец под тяжестью моего тела повалился в траншею, тщетно пытаясь освободиться от меня.

Перерезав горло и выбив автомат из рук, я обезвредил часового, но не обездвигил его. Теперь же резкий хруст шейных позвонков, обмякшее тело и остекленевший взгляд обозначили конец его жизненного пути. Легкий шум за моей спиной означал, что Костя сделал свое дело. Я мог не сомневаться, что остальные сняли караульных так же чисто. В лагере было по-прежнему спокойно, и нужно было приступить к следующему этапу, и как можно скорее.

Лес ожил, и в утреннюю тишину джунглей постепенно начали вплетаться звуки просыпающихся пичуг. Я еще раз бросил взгляд на лагерь вьетнамцев и медленно начал отползать назад, по пути наткнувшись на труп караульного, снятого Костей. По-видимому, Костя сразу же свернул ему шею – чисто, но рискованно.

Группа уже была готова к новому броску. Я окинул взглядом проводников и офицеров – у одного из ребят левый рукав был в крови: по-видимому, вьетнамец трепыхался, прежде чем его прикончили. Кивок головы – и караван в том же порядке заскользил по толстому слою перегноя.

Мы с удвоенной осторожностью стали пробираться по кромке лагеря в направлении, которое указал я. Темп ходьбы снизился вдвое, так как надо было опасаться не только караульных и возможных ловушек, расставленных по всему внешнему периметру лагеря, но также птиц и других животных, которые, испуганные нами, могли выдать караван своим криком и шумом.

Вдруг идущий впереди проводник резко остановился, подняв руку, и караван замер, как насторожившееся животное. Я тихо подошел к нему и в солнечном блике, пробившемся из-под кроны леса, увидел две тонкие проволоки, протянутые через кусты от дерева к дереву и исчезающие где-то в лесу. Одна в сантиметрах шестидесяти от земли, другая на уровне приблизительно человеческой груди. Сядь на них птица, ничего бы не случилось. Они были рассчитаны на кое-кого покрупнее – они были рассчитаны на нас. Следуя всем инструкциям, я должен был дать приказ на обход этого препятствия, предварительно исследовав, что скрывается по краям проволок. Но времени не оставалось, и я отдал приказ на «вползание» в ловушку. Медленно, очень медленно заметно побледневший вьетнамец лег на землю и начал про-

ползать под нижнюю проволоку, ощупывая чуть дрожащей рукой землю перед собой. Остальные, застыв, наблюдали за ним. Вдруг большая многоножка, неожиданно вырвавшись из-под опрелой листвы, взбежала на голый локоть вьетнамца, и тот, чуть вздрогнув от неожиданности, коснулся рюкзачком проволоки – та угрожающе дернулась. На мгновение показалось, что все это бутафория на фоне поразительно мирной картины, сотканной из листвы вееролистных пальм и папоротников: и мы, стоящие в напряжении, и эти вьетнамцы, в немом ужасе следящие за своим товарищем, и этот проводник, застывший с позеленевшим лицом, в покорном ожидании неминуемой смерти.

Я нетерпеливо дернул автоматом, и проводник, как бы очнувшись ото сна, пополз дальше. Когда он очутился по ту сторону проволок и, встав на колени, повернулся лицом к нам, по его остекленевшим глазам я понял, что он на грани истерики. Дорога была проверена. Я лег и стал заползать под проволоку, и еще шестеро приготовились вслед за мной испытать свою судьбу...

Еще не успел последний полностью выползти из-под проволоки, как я дал приказ двигаться вперед. Времени не хватало катастрофически, и если смена караула из лагеря обнаружит те трупы раньше, чем мы войдем в сарай, ситуация может выйти из-под контроля.

Передний и задний проводники поменялись местами, и группа двинулась дальше. Там, наверху, солнце светило во-

всю; здесь же, во влажном полумраке тропического леса, мы вот-вот должны были выйти на цель.

Наконец-то впереди блеснула светом прогалина. Я осторожно прополз вперед, и в паре сотен метров передо мной оказалась задняя стенка сарая. Я медленно поднял и опустил ладонь, и группа рассыпалась полукругом по периметру лагеря в поисках часовых. Мой же часовой был уже передо мной. Остальных обнаружить не составляло труда, поскольку они располагались так, чтобы видеть друг друга. В свой усиленный бинокль я разглядел три пулеметных гнезда и заодно, по едва приметному покачиванию кустов, понял, что группа заняла исходную позицию. Я знал, что ребята меня видят, а видеть их мне было не за чем, мое поведение уже было для них сигналом. Я подобрался было сзади к пулеметчику, когда послышались шаги, и к гнезду моего часового подошел вьетнамец. Обменявшись парой слов, они произвели смену караула. В двух других точках тоже сменили постовых. Мы опоздали. Очевидно, сейчас обнаружат трупы на том конце лагеря, и будет дана тревога. Надо было действовать немедленно.

Выждав, когда вьетнамец, сдавший пост, ушел, разминая ноги, я достал нож и метнул его, целясь в пространство между левой лопаткой и позвоночником. С глухим звуком нож почти по рукоятку воткнулся в спину караульного, который поднял руку, чтобы поприветствовать того – другого, сидящего в соседнем пулеметном гнезде. Тело вздрогну-

ло, рука сначала медленно, а затем все убыстряя ход, стала опускаться. Совсем еще детский подбородок вьетнамца дрогнул, как бы в плаче, и тело рухнуло вниз. Второй пулеметчик заметил это. И увидев, как вдруг из листвы появился я и занял место его товарища, он схватил автомат, разинув рот в крике. Но вдруг застыл, и из его рта вытекла ярко-алая струйка крови. Его заменил сухощавый парень с монголоидным разрезом глаз. Третьего пулеметчика уже не было на позиции. Но самое главное, что я увидел – был Шукшин, стоявший с расстегнутой ширинкой у задней стены сарая, и с разинутым ртом смотрящий на нас. Пожалуй, такого совпадения желаний: помочиться у Шукшина, и как-то выманить его из сарая – у нас, не могли предусмотреть никакие аналитики из ГРУ. Я резким взмахом руки позвал его к себе, одновременно краем глаза заметив, как Костя и еще двое пытаются полукругом застраховать его отход. Двое других сидели в пулеметных гнездах, а двое оставшихся, судя по всему, контролировали проводников.

Шукшин никак не реагировал на мои призывы, и только по его блестящей от пота лысине, я понял, что он находится в состоянии аффекта и не может сдвинуться с места. Я дал знать Косте зафиксировать Шукшина. На кромке прогалины появились и остальные двое офицеров с проводниками.

Костя уже приготовился к рывку, как вдруг завывла сирена, и беспорядочные автоматные очереди оповестили лагерь

о нашем присутствии. Трупы были обнаружены. На мгновение все застыло, как в немой сцене «Ревизора». И тут же понеслось в многократно ускоренном темпе.

Пока что наше местонахождение не было известно, и противник поливал беспорядочным огнем кусты на той стороне лагеря, но это было уже не важно. Через считанные секунды мы будем обнаружены, а эти бесценные секунды гробил Шукишин, стоявший с разинутым ртом и расширенными от ужаса глазами. Он даже не убрал рук с расстегнутой ширинки, и его ладони как-то неприлично блестели под солнцем то ли от пота, то ли от мочи.

Из казармы высыпали вьетнамцы. Из-за стены сарая вынырнули двое, по-видимому, часовые, желавшие препроводить Шукишина в безопасное место. Пулеметным огнем снял обоих, и они, нелепо взмахнув руками, осели как тряпичные куклы. Костя рванулся к Шукишину, но еще раньше него к Шукишину рванулся один из наших проводников. Очевидно, он решил, что поскольку это человек, которого мы должны освободить, то если он будет стоять рядом с ним, мы не приведем в действие детонатор. Как он сумел вырваться незамеченным – не понятно. По-видимому, охрана отвлеклась, наблюдая за происходящим, и упустила вьетнамца из поля зрения.

Вьетнамец рванулся к Шукишину, обнял его за плечи и, толкая того, как безвольную куклу, стал уводить за сарай. Мы были обнаружены, и в нашу сторону рванулся отряд

вьетконговцев. Огонь пока что велся неприцельный, но пули уже вздымали мелкие фонтанчики пыли прямо на плато, отделяя нас от Шукишина. А он, подталкиваемый вьетнамским проводником, удалялся от нас все дальше и дальше. Костя взглянул с отчаянием на меня. Я понял его и кивнул. И тут же мощный взрыв потряс стену сарая, раскидав в разные стороны куски человеческой плоти. Стена, от которой вьетнамец уводил Шукишина, стала как бы барьером для взрывной волны и на ней, окрашенной кровью и бог весть какими размозженными частями тел, резко выделялась вколоченная нога вьетнамца и нижняя половина разорванного тела Шукишина.

Взрыв отбросил назад и авангард вьетконговцев. В эту образовавшуюся брешь рванулись я, Костя и еще трое офицеров. Краем глаза я заметил, что шестой занял мою позицию у пулемета, так как это была самая удобная точка для огня «на поражение». Оставшиеся двое сторожили проводников.

Надо было успеть к месту взрыва, пока вьетнамцы не обогнули сарай с другой стороны и не взяли нас в клешни. Пулемет строчил по проходу между сараем и лесом, и учитывая скудность противника в том месте, кинжальный огонь был весьма кстати.

Мы с Костей бросились к месту взрыва, а трое остальных к противоположному углу стены сарая, в ожидании нападения с той стороны. Их задача – задержать противника

пока я не дам знать, что пора отходить. Если они не справятся с этим, то мы, взятые в клещи, никогда не выберемся отсюда.

Подбегая к стене сарая, я одновременно разворачивал толстый брезентовый мешок, а Костя угрюмо матерясь, уже шарил в груди полузажаренного человеческого мяса, как бы скомканного и забитого в угол сарая. Я знал, что он ищет, и пока он это делал, я быстро сдирал с остатков Шукишина полуобгоревшие штаны с прилипшими к ним кусками плоти. Отодрав штанины местами до кости и закинув всю эту дикую мешанину из ткани и обгоревшего мяса в мешок, я лихорадочно стал искать остатки костюма и сорочки.

Справа наши начали отстреливаться от вконец остервеневших вьетконговцев. Слева вдруг затих пулемет (патроны, видать, кончились), и застрочил АК (надолго ли?). Надо было спешить!

– Нашел! ... Твою мать! ... Нашел! – вдруг дико захрипел Костя. И я увидел, как он, вцепившись руками в какой-то лоскут кожи и упершись ногой в полуобгоревшее брюхо вьетнамца, с сочным хлюпаньем вырвал голову Шукишина, оторванную взрывной волной и вбитую в брюхо вьетнамского проводника.

Половина лица Шукишина была обезображена до неузнаваемости. Почти вытекший правый глаз был зажарен как глазунья. Но левая часть лица сохранилась. Костя быстро

запихнул голову с обгоревшими волосами в мешок и передал его мне. Я резко выхватил его из рук Кости, опустил в свой рюкзак, завязал его и закинул все это за плечи. Мы исполнили свою миссию, и пора было уходить.

– Уходим! – крикнул я двоим, защищавшим левый фланг. И, убедившись, что услышан, дал короткую очередь в сторону наседавших вьетнамцев. Я заметил, как Костя вместе с теми двумя, уже перегруппировавшись, короткими перебежками отходят к кромке леса.

АК, строчивший из пулеметного гнезда, затих, и в проходе появились наседающие вьетнамцы. Достав гранату из-за пояса, я выдернул чеку и бросил в том направлении. И пока за моей спиной оседало облако пыли, и затихал чей-то истошный вопль, я опрометью кинулся к лесу. Еще чуть-чуть и нас обложат со всех сторон.

Маленькие фонтанчики пыли, то тут, то там возникающие вокруг меня, говорили о том, что я единственный, кто еще не укрывшись от узкоглазых. Остановиться было равносильно смерти, и только движение спасало от прицельного огня. По спине с тяжелым хлюпаньем бился мешок с тем, что осталось от Шукишина. Я упал на землю и отполз за бугор. Ребята открыли огонь, прикрывая мое отступление.

Наконец лес! Я пересчитал свой отряд. Не считая двух проводников, нас осталось семеро. На мой вопросительный взгляд Костя поднял руку, и на его ладони холодно блеснул номерок с цепочкой.

– Тот... в пулеметном гнезде, – отрывисто произнес он. – Уже мертв.

– Вперед. – скомандовал я и в сердцах пнул ближайшего проводника стволом автомата в плечо. Тот послушно повернулся и быстро исчез за кустами. Мы двинулись в обратный путь под звуки выстрелов и тревожное завывание лагерьной сирены ветконговцев.

Я допил остывший кофе и встал, чтоб сварить себе свежий.

... Тишину и сумрак тропического леса оборвал властный шум реки и, как обычно бывает в тропиках, буйная растительность джунглей резко перешла в прибрежный песок Хьюнга. Я, Костя и двое проводников, лежа в зарослях циперуса, внимательно шарили взглядом по всему побережью, высматривая места предполагаемой засады на этом и том берегах.

Хьюнг мирно катил свои темные воды под разноголосое пение лягушек. И после ватной немоты джунглей это пение действовало на нервы и било по ушам, как угрожающее жужжание высоковольтного провода.

Теперь весь наш отряд состоял из четырех человек, и на моей шее висело семь железок, как напоминание о том, что пули, которые минули меня, все-таки нашли своих адресатов. Я не знал их имен. Я даже не перекинулся с ними парой

слов. В нашей работе это было излишне, но я видел их самое сокровенное, приход чего каждый человек желает оттянуть насколько это возможно, прихода чего страшился и стесняется – я видел их смерть. Все они знали на что идут, их готовили к смерти, но каждый из них, умирая, цеплялся за жизнь с чисто животной силой, не признающей ни идеологий, ни рас. Смерть страшна и нелепа всегда. Она была страшна и тогда, когда, убегая от засады, взорвался на мине-лягушке один из ребят, и ему взрывом вцепило его же кишками по лицу. И секунд пять не мог понять он, чьи же это внутренности медленно сползают по нему. Я видел его взгляд, в напрасной надежде пересчитывающий нас, его руки, судорожно сбивающие с лица обрывки кишок. Я слышал его предсмертный шепот, когда он, шаря руками в своем пустом нутре, взглянул в небо расширенными глазами и, обращаясь неизвестно к кому-то там, наверху, – спросил, не надеясь на отрицательный ответ, – «И все-таки это я?» – затих навсегда. Я видел, как тот паренек, с восточными чертами лица, так и не поняв, чтостряслось, взрывной волной был насажен на торчащий сук дерева, и как жутко извивалось тело в бессознательном желании избавиться от этой гигантской булавки, проткнувшей его как бабочку.

Но, пожалуй, самое страшное для меня было то, что будет с ребятами после их смерти. Мы пытались скрыть тела, насколько это было возможно и хватало времени, но каждый из нас отдавал себе отчет о бесполезности сво-

его труда. Тела ребят все равно найдут, а поскольку это только безымянные тела без документов, (а значит и без доказательства их принадлежности к той или иной стране) их изрубят лопатами, и они пойдут на корм свиньям и на удобрения для рисовых полей вьетнамцев. Поэтому долго еще не мог я смотреть без содрогания документальную хронику Вьетнама, где улыбающийся вьетнамец стоит рядом со своими откормленными свиньями и ухоженным рисовым полем.

Все было вроде тихо, и я кивнул одному из проводников, который неуверенно стал выходить на берег. Вспугнутая вьетнамцем со ствола поваленного дерева, бесшумно соскользнула в воду змея толщиной с руку.

Вьетнамец неуверенно подошел к берегу реки и прошелся вдоль него несколько десятков метров туда и обратно. Нет, вроде все чисто. Ни один куст не шелохнулся, несмотря на то, что я и Костя усиленно просматривали из биноклей оба берега. Я дал знать второму проводнику, чтобы тот вышел и помог вытащить лодку, спрятанную в чаще леса. Когда оба проводника поставили лодку на воду, Костя под моим прикрытием вышел и сел в нее. Затем я встал и с трудом, под прикрытием Кости, страховавшего меня из лодки, заменил к реке. Мне было трудно передвигаться. Меня ранило в плечо, а вдобавок ткань моих штанов на правом бедре покрылась толстой коркой засохшей крови, которая первое время обильно сочилась из мешка с остатками Шукина,

и потому образовалось что-то наподобие жесткого каркаса, натирающего ногу при каждом движении. Костю ранило тоже, но его рана, хоть и выглядела устрашающе и кроваво, мешала ему меньше. При отступлении срикошетившая пуля, разорвав мочку правого уха, скользнула вдоль щеки к подбородку. Рана страшно зияла и кровила, но не мешала передвигаться и, хотя в условиях тропиков под действием высокой температуры и влажности раны нагнаиваются очень быстро, все-таки мы были почти у цели. А это значило: максимум, что может быть в последствии – это шрам на лице. Зная Костю, думаю, что его это особо не должно было беспокоить.

Нам повезло, и когда мы достигли середины Хьонга, я расслышал сзади вздох облегчения. Это Костя за моей спиной шумно перевел дух.

Проводники усиленно гребли, особенно не заботясь о нашем комфорте. Да нам он был и не нужен. Я сел на дно лодки, прислонившись спиной к ее борту. Костя же внимательно следил за приближающимся берегом.

Советский лагерь на левом берегу Хьонга, специально сооруженный для диверсионных групп, был небольшим и не очень бросался в глаза. На первый взгляд – обычная вьетнамская деревня, с грязными свиньями, невзрачными вьетнамцами и крикливо-худыми малорослыми вьетнамскими петухами. Но для нас это был рай!

После импровизированного душа и довольно квалифицированной перевязки наших ран мы лежали в гамаках и лениво разглядывали вислоухую черно-белую свинью, валяющуюся в грязи прямо перед нами. Вертолет должен был прилететь завтра, а сегодня мы отдыхали. Комендант лагеря, капитан Летягин, верзила под два метра, с красными белками глаз от непомерных возлияний и словно вытесанными топором чертами лица, принял нас спокойно. Получив от меня мешок, отвердевший от засохшей крови, он даже не изменился в лице. И только когда я передал ему шесть жетонов, со звоном упавших ему на ладонь, мне показалось, что в его глазах мелькнула какая-то звериная тоска и тут же исчезла, уступив место обычной угрюмости.

– Отдыхайте. Вертолет завтра... – только и сказал он, и безмолвный солдат гарнизона повел нас в хижину, где мы и расположились со всем доступным нам комфортом.

Я забылся тяжелым сном, а когда проснулся, было уже утро следующего дня и, стоящий над моей головой, Костя тряс меня изо всех сил.

– Вставай, Летягин зовет. – Он кивнул в сторону стоящего поодаль солдата. – Говорит, скоро будет вертушка.

Мы привели себя в божеский вид и отправились к коменданту. Пока мы шли к нему, над деревней уже завис, как огромная стрекоза Ми-6, медленно спускающийся вниз.

Летягин ждал нас у входа в хижину. В руках он держал специальный чемоданчик, где, по-видимому, рядом с остан-

ками Шукшина находились и шесть жетонов. И почему-то именно этот чемоданчик, с его холодно поблескивающими боками, напомнил мне о цивилизации, которой мы были лишены, казалось, целую вечность. Теперь наш путь лежал в Лондон, где с нетерпением ждали меня и Костю, а вернее этот чемодан, со своим взрывоопасным грузом.

Стало прохладно. Я встал, закрыл форточку, снова сел и потянулся за очередной сигаретой. Во рту горчило от выкуренного.

... Эскалатор в международном аэропорту Хитроу работал бесшумно и плавно. И это его вопиющее отличие от своих ревущих московских собратьев уже диктовало модель поведения. Мы с Костей, одетые и причесанные, двое мужчин с маркой дипломатической почты на ручном багаже, спокойно прошли через таможеню и направились к стеклянным дверям аэропорта, где нас ожидала машина советского посольства – с виду обычный «сааб», но с усиленным двигателем и с бронированным корпусом.

Настроение у нас было не ахти какое. Я чувствовал, что Костя сильно раздражен. И, несмотря на наш цивильный и вполне благополучный вид, внутри ощущалась какая-то пустота, как часто бывает, когда завершаешь какое-либо дело. Разговаривать в аэропорту нам, пожалуй, не стоило, да и не хотелось. Нас могли запеленговать узконаправлен-

ной подслушивающей аппаратурой. Так что мы молча шли, в ожидании, когда окажемся в машине с ее звукоискажающими стеклами, готовые к любой неожиданности и провокациям со стороны, да хотя бы той же, британской разведки.

И тем более меня удивил вопрос Кости, когда он, даже не смотря на меня и не двигая губами, спросил:

– Ну, как ты себя чувствуешь?

– Хреново, – в сердцах устало бросил я, направляясь к серо-стальному «сабу», уже показавшемуся в нескончаемом ряду машин.

– Послушай, Степа, у нас мало времени. Я хочу тебе предложить кое-что. Будь кто-то другой, я бы этого не сказал, ... надоело мне все!.. Ей богу, надоело! Давай кинем чемодан туда – он кивнул в сторону автомобиля – и исчезнем. Ты знаешь – мы сможем! Исчезнем и забудем кто мы. Забудем обо всем.

Я был настолько поражен, что на долю секунды замедлил шаг. И с удивлением оглянулся на Костю. Это было, по меньшей мере, странно. Костя, тот Костя, который с молодцеватой выправкой и с каменным лицом, не мешкая ни секунды, без тени сомнения в серых глазах заправского садиста, убивал противника, вдруг сдавленным голосом скороговоркой выговаривал текст, только за который, по меньшей мере, можно было бы попасть в крематорий ГРУ. Расскажи мне кто-нибудь такое – я бы не поверил. Да что там

говорить – я рассмеялся бы в лицо. Но сейчас мне было не до смеха. Мне вдруг стало страшно. Холодок пополз по спине.

Я шел рядом с Костей и лихорадочно размышляя над услышанным. Краем глаза я наблюдал за ним, за его спокойным лицом. Со стороны могло показаться, что это два спортсмена с безоблачным будущим выходят из здания аэропорта, причем выходят молча, не разговаривая друг с другом. Такой эффект не портила даже повязка на лице Кости, аккуратно наложенная от правого уха к подбородку. Мне нельзя было мешкать с ответом, до машины оставалось метров сто. Но главная причина, почему мне надо было быстро ответить, крылась в другом.

В ГРУ часто устраивались подобные проверки. И, возможно, Костей было получено задание – проверить меня. Не выполнить приказа он не мог. В этом случае неблагонадежным оказался бы он. Предупреди Костя меня об этом – конец его был бы неминуем, ведь в любом месте на нас мог бы оказаться «жучок» или за нами могло вестись микрофонное наблюдение. Все это означало, что от моего ответа зависела моя судьба. И даже после – не доложи я об этом разговоре начальству, я оказался бы трупом. В ГРУ не щадят даже колеблющихся – «колеблется – значит потенциально опасен». Все это пронеслось в моем мозгу мгновенно, ведь даже промедление в ответе могло быть расценено как измена.

Я не шевелящимися губами произнес только одно слово «нет» и ускорил шаги. Стеклопанная дверь аэропорта бесшум-

но отошла в сторону, и мы двинулись к «саабу». Я открыл дверь и первым сел на заднее сидение машины, предварительно передав чемоданчик водителю. За мной последовал заметно побледневший, но все такой же невозмутимый Костя.

...Советское посольство в Лондоне, находившееся на Кроуди-стрит, представляло собой тихое здание с пристройками и небольшим английским садом. Аккуратно подстриженные клумбы и лужайки ярко зеленели, радуя глаз. Нас с Костей разместили в разных комнатах. В каждой из этих комнат находились две кровати, комплект белья и нехитрая канцелярская утварь и, как всегда, по «жучку» на брата. Было понятно, почему меня и Костю поселили порознь, и я знал, что мой сосед по комнате будет следить за мной во время нашего совместного проживания, впрочем, так же, как и я за ним.

Нас поодиночке должны были допросить в нижнем подвальном этаже посольства в первый же день нашего там пребывания. Этот процесс назывался докладом, хотя суть его сводилась к самому настоящему допросу. Первым на доклад пошел я, как командир группы.

Меня провели в подвальное помещение, где за сейфовой дверью я должен был встретиться с полковником Осоловым. Хотя все стекла в посольстве были звукоискажающими, и ни один иностранный «жучок» не мог остаться

в посольстве не замеченным, все равно доклады и разговоры, мало-мальски относящиеся к разведанным, проводились здесь.

Представитель ГРУ – полковник Осилев – был незаметной фигурой в посольстве и человеком, который имел завидный вес в штаб-квартире ГРУ в Москве. Вообще-то в любой момент он мог взять на себя управление посольством, и все, включая посла, обязаны были повиноваться его инструкциям. Об этом знал посол, и об этом догадывались многие старожилы консульства.

Такие «серые кардиналы» имелись во всех, без исключения, советских, да и иностранных представительствах. У них были самые разные должности, но всех их можно было вычислить по одному простому признаку – они никогда не выходили за пределы посольства. Слишком многое им было известно и, наверняка, за ними охотились представители иностранных разведок. Ведь каждый из них, как паук, осторожно и терпеливо, плел свою агентурную сеть, и оказавшись он в руках врагов, кто знает, как поведет себя тот же полковник или майор.

Я доложил обо всем Осилеву, но трудно было догадаться по его непроницаемому лицу, как оценил он наши действия. И в конце я буквально слово в слово передал наш диалог с Костей. Человек не обладает даром предвидения, и это, наверное, одно из немногих нечеловеческих качеств, о которых не стоит жалеть. И сидя в одиночестве в сейфовой комнате,

излагая все факты на бумаге, я не сомневался в истинности своих действий. Это, конечно же, была проверка, и я почти убедил себя в этом. Но где-то там, в глубине души, что-то тревожно ныло, и время от времени, как тошнота, подкапывало к горлу чувство омерзения. Черт его знает, может это и есть то, что называют совестью? ...

Костю я больше не видел никогда. Он исчез из моей жизни. И хоть я и говорил себе, что он просто служит в смежном засекреченном отделе или где-то выполняет очередное задание, я знал, что Кости Лебеда, единственного человека, который хотел заодно с собой спасти и меня, уже не существует, и заложил его я. С этого времени я сломался. Внешне я был спокоен и невозмутим, работая как и прежде в Москве. Потом, через два месяца, меня перевели в Лондон, и я обосновался в дипломатическом корпусе. Это было повышение, которому позавидовали бы многие. Но знали бы они, какие кошмары мне снились ночью, что происходило со мной в то время суток, когда люди отдыхают. Я неотступно думал о Косте. Я почти наверняка знал, что произошло в тот день, когда я приговорил к смерти своего, пожалуй, единственного друга. Его вызвали на доклад, и когда он вошел и сел перед Осиковым, за его спиной появились двое. Я знаю наверняка – Костя понял все, когда Осиков объявил ему о его возвращении в Москву и когда один из верзил закатил его рукав и вколол ему в вену чудо-препарат всех разве-

док – дормикум. Я надеюсь, что он простил и понял меня, если это возможно простить. Но я знаю точно, что он меня понял, как я понял бы его. Управление не оставляло выбора – это был главный принцип работы ГРУ. Что сделали с Костей в точности – я не знаю. Пулю в затылок там, в Москве, или крематорий, предварительно засняв все на ленту, в назидание «потомкам»... Не знаю... Только знаю, что я потерял покой. Мне было очень плохо. И впервые за всю свою жизнь я почувствовал себя убийцей.

В Лондоне я проработал около четырех лет. И все это время неотступно меня преследовало чувство то ли вины, то ли омерзения к себе самому. И чувство это нарастало. Внешне я был спокоен и невозмутим. Днем мои сомнения и кошмары, вытесняемые рутинной работой и каждодневными заботами, как бы уходили на задний план. Но ночью меня терзали кошмары.

Не знаю, что я наговорил во сне, не знаю, что услышал мой сосед по комнате. А может и просто по причине массовых кадровых изменений, лихорадящих командование ГРУ. Но когда в один из дождливых осенних дней меня вызвал все тот же полковник Осипов, и за моей спиной выросли две фигуры, я понял, что участь моя решена.

На следующий день я садился в самолет на Москву, безучастно спокойно смотря впереди себя под воздействием все того же дормикума и в сопровождении все тех же двоих.

В Москве мне с глазу на глаз, без какого-либо объяснения

были одновременно зачитаны приговор и обвинение. По-видимому, для ГРУ все и так было ясно, а может, надо было окончательно зачистить следы той миссии.

И я попал сюда в качестве «куклы». Круг замкнулся.

19.. г.

Капитан Степан Карташев

ВС СССР У-296786

Я вздохнул и отложил прочитанное в сторонку. Взглянул на пожелтевшие листки, исписанные мелким неровным почерком. Чиркнул зажигалкой и глубоко затянулся сигаретой. Глотнул остывшего кофе.

За окном январский вечерний снег бесшумно скрывал Москву под своим пушистым холодным покрывалом. Ленинградский проспект, такой шумный еще днем, в вечных пробках, теперь словно дремал под убаюкивающее урчание редких автомобилей, медленно проезжающих, словно большие посыпанные снегом жуки. И только огромная вертящаяся на столбе, треугольная реклама прямо напротив моего окна светилась до нелепости жизнерадостно. Все вокруг застыло, и даже напротив Белорусского вокзала, оживленного и вечно суетного днем одиноко топталась пара ментов, в неустанном поиске очередной незарегистрированной души.

Время за чтением пролетело незаметно, и, дочитав все до конца, я опомнился только в три часа ночи. В другое время, прочитанное, можно было бы расценить, как очередную де-

шевую подделку в духе наших дешевых времен. Очень уж все напоминало скандальную когда-то Суворовскую книжку «Аквариум». Да и наши во Вьетнаме как-то были ни к селу, ни к городу, если бы не одно «но», меняющее в корне мой подход к этой кипе из пожелтевших бумаг. Если бы не одно «но», из-за которого мне стало зябко после прочитанного, несмотря на хорошо отапливаемую московскую квартиру. Я глубоко затянулся сигаретой и с шумом выдохнул дым в потолок. Бумаги эти передал мне глубокий старик, генерал-полковник в отставке, Геннадий Дмитриевич – сосед по даче.

Я встал, потянулся и подошел к окну. Мелкий снег все так же плотно опускался на город, и в свете уличных фонарей картина эта напоминала какую-то сценическую фантасмагорию. Благодать, да и только. Я люблю такие ночи. Мне нравится в такое время гулять по Москве, когда вся мерзость большого города как бы покрыта тонким макияжем снега, и бесшумно проезжающие, редкие машины, поскрипывая свежеснегосыпавшим снегом, вызывают чуть ли не умиление. Но сейчас мне было совсем не до прогулок.

С Геннадием Дмитриевичем, подтянутым стариком, соседом по даче, мы были знакомы достаточно давно. Высокий, с редкими седыми волосами, острым четким профилем, он больше походил на какого-то английского аристократа, случайно забредшего погулять и посмотреть на ближнее Подмосковье. Жил он одиноко, хотя особым пуританством не

отличался. Мы часто проводили с ним вечера, беседа за чашкой чая, а иногда, бывало, попивали и кое-что покрепче. Часто наша беседа была о реалиях современной жизни.

Геннадий Дмитриевич обладал острым умом аналитического склада. И каждый раз его анализ сложившейся ситуации был настолько аргументирован, что мне оставалось лишь в конце восхищенно соглашаться с ним (несмотря на мое, чисто профессиональное свойство перечить во всем). Кстати, многие из его прогнозов в последствии оправдывались, чего не скажешь о прогнозах наших новоиспеченных государственных мужей.

Я журналист и, естественно, пытался выпрашивать моего собеседника о его жизни. Но каждый раз Геннадий Дмитриевич или отшучивался, или отвечал очень невразумительно. От этого мое любопытство расплялось еще больше, но ничего добиться от старика я не мог.

– Андрюша, дорогой, ничего интересного я рассказать тебе не смогу. Я всего лишь был кабинетным военным и кроме папок да бумаг в руках ничего не держал, – говорил он мне и по-стариковски тяжело разводил руками. – Это ты мне расскажи, что в мире делается. Какой бандит кого зарезал, почему и за сколько! А что я, старик, тебе могу интересного рассказать? Да ничего! Вы все уже про нас знаете. Сам не раз, наверное, в своей газете статьи публиковал про репрессии, про Сталина, Брежнева... – при этом в глазах Геннадия Дмитриевича проскакивала хитринка.

Вот так мы и подкалывали друг друга, сидя то за чаем, то за водкой, а то и за виски, который Геннадий Дмитриевич любил и умел пить в многочисленных сочетаниях. Собеседником он был интересным, и мы с удовольствием общались друг с другом, пока наши супруги сидели и обсуждали между собой разные женские проблемы.

Год назад Римма Станиславовна, жена Геннадия Дмитриевича, скончалась как-то тихо и неожиданно. Она просто легла ночью спать и не проснулась утром. Похоронили ее на Домодедовском кладбище. На похоронах Геннадий Дмитриевич стоял осунувшийся, и в его взгляде читалась беспредельная тоска одинокого человека.

С того дня Геннадий Дмитриевич сильно сдал. Он как-то похудел, сник, стал необщительным. Я много раз приглашал его к себе в гости на ужин, но на все мои приглашения он отвечал отказом и грустно улыбался. Тогда Ольга, моя жена, под разными благовидными предлогами стала носить ему еду.

Вчера я был сильно удивлен, когда Геннадий Дмитриевич позвонил мне на мобильник и спросил смогу ли я подъехать к нему? Естественно, я пообещал, что подъеду, но поскольку в редакции у меня была запарка, я выехал с работы около шести вечера, а пока пробирался по МКАДу из центра через вечные московские пробки, стало уже восемь. Так что в Жуковку я попал уже в начале десятого.

Я не встречался с Геннадием Дмитриевичем уже с месяц, и за это время он сильно сдал.

– Ну, здравствуй, Андрюша. Что-то забыл ты старика. Или не интересен стал я тебе? – с грустной улыбкой встретил меня Геннадий Дмитриевич.

– Да, что вы! Что вы... Просто заморочки на работе. Да и Ольга с ребенком дома сидят, простудились оба. Вот и не появлялся! – ответил я, шумно отряхиваясь от снега и с тревогой поглядывая на старика. Очень уж тот постарел. Сквозь тонкую кожу на висках просвечивала голубая сеть вен.

– Ну да шучу, шучу. Все понимаю. Устал, небось, пока сюда добирался. Проходи, согрейся. ... Почаевничаем...

Пока я снимал куртку и вешал ее вместе с шарфом и кепкой на вешалку, Геннадий Дмитриевич уже накрыл на стол. В зале горел ночник, уютно освещая желтым пятном маленький столик с двумя чайными стаканами, тортом и тарелками.

– Алкоголь не предлагаю, – с тонкой усмешкой обратился ко мне Геннадий Дмитриевич. – Не из-за жадности, а просто ты за рулем. Но если что – только скажи...

Я отрицательно замотал головой и удобно развалился в кресле, обхватив ладонями горячую чашку чая.

– Ну как Ольга? Как ребенок? Что там со здоровьем случилось? Что-то серьезное?... – подтягивая второе кресло к столу, спросил Геннадий Дмитриевич.

– Слава богу! Все живы, здоровы. Обычная московская простуда, каждый год то же самое. Отсидаются дома – прой-

дет. А вот вы, Геннадий Дмитриевич, выглядите что-то не важно. – Я звучно отхлебнул чай. – Может в город? Что вы тут сидите один? Зима пройдет, приедете на дачу – все тут будем, ну и веселее станет жить... – как-то вяло попытался я побалагурить.

– Да нет, Андрей, – усмехнулся старик. – Мне и здесь хорошо. Тишина. Никто не раздражает. Магазин рядом. Все что нужно покупаю, слава богу, сам...

Я потянулся за сигаретой. Закурил и вопросительно взглянул на Геннадия Дмитриевича. Ведь не чай же пить он меня вызывал с такой поспешностью? А пока старик собирался с мыслями, я, не спеша, затянулся сигаретой.

Еще одно, за что я уважал Геннадия Дмитриевича – возможно, для кого-то это покажется смешным и нелепым – было то, что он не реагировал, как курсистка на курение у себя дома. Для большинства моих соотечественников курение в их квартире приравнивается чуть ли не к акту осквернения святыни. И независимо ни от чего – гость ты или не гость, ты изгоняешься в лучшем случае на кухню. И хозяин дома с каким-то восхищением собой и выражением чисто совкового снобизма на лице, затягиваясь сигаретой в компании гостя, гордо заявляет, что «у них в квартире не курят!». А когда уж выгоняют на лестничную площадку! ... Словом, такого «гостеприимства», впрочем, как и настойчивого подсовывания тапок, у Геннадия Дмитриевича не было, хоть и жил он сей-

час один. Вот за это я его очень уважал с первого дня нашего знакомства.

– Понимаешь, Андрюша, обнаружил я у себя тут одну штуку... Ну и подумал, что это тебе пригодится, – Геннадий Дмитриевич встал, подошел к книжному шкафу и медленно стал доставать оттуда, как бы сомневаясь в правильности того, что делает, небольшой бумажный сверток.

– Это что-то вроде то ли дневника, то ли мемуаров. Не моих... Не моих, – отмахнулся он от моего удивленно-вопросительного взгляда, выложив сверток передо мной на стол.

– Просто я подумал, что это было бы тебе интересно ... Конечно кое-что я оттуда изъял... лишнее.

Я потянулся за свертком и уже собирался его развернуть, но Геннадий Дмитриевич остановил меня:

– Не сейчас ... Поедешь домой, в спокойной обстановке ... Не спеша. ... А сейчас допивай свой чай и айда... Ольга, небось, заждалась.

Он как будто спешил меня выпроводить, пока не передумал отдавать сверток. И я решил, что мне действительно пора уходить. Тем более, что меня стало разбирать любопытство. Я наскоро попрощался со стариком и, прихватив сверток, вышел к машине.

Всю дорогу до Москвы я боролся с желанием остановиться и развернуть пакет, но неимоверным усилием воли сдерживал себя и гнал автомобиль по пустеющим улицам к дому...

Я журналист. И, слава богу, обстоятельства моей жизни сложились так, что мне не пришлось в отличие от своих коллег и друзей менять свою специальность из-за материальных проблем. Мои родители, врачи по профессии, в благословенные советские времена, когда их работа оплачивалась соответственно, да и льгот было достаточно, сумели обеспечить себя дачей и квартирой в центре Москвы. А когда скончалась бабушка, то мне в наследство досталась еще одна квартира на Остоженке. И вот я, как любой уважающий себя москвич, сдав бабушкину квартиру приезжей с Кавказа на заработки семье, обеспечил себя тем прожиточным минимумом, который у многих считается максимумом счастья. Но в отличие от многих москвичей, я решил не спиваться и не деградировать, благодаря своим дивидендам, а попытаться счастья на поприще своей профессии.

На поверку оказалось, что журналистика в современных реалиях сходна с проституцией не только по признаку древности. И мне пришлось поменять ряд редакций из-за несхожести во взглядах на освещение ряда проблем. В один из таких моментов своей жизни я вдруг понял, что рискую попасть в «черный список» вечно неугодных журналистов, чего мне, естественно, не хотелось совершенно. Вот тут я и нашел работу в одной редакции, где платили средне и требовали соответственно: в общем, все как всегда... Так что особым ничем я не выделялся, разве что квартирой на Остоженке, да

и у Ольги была квартира в Ясенево, которую мы тоже благополучно сдавали.

И вот на фоне этой идиллии Геннадий Дмитриевич, мой сосед по даче, подсунул мне стопку пожелтевших страниц, от которой прямо-таки несло неприятностями. Сигареты кончились, а Ольга стояла в халатике в проеме двери и вопросительно смотрела на меня. За окном в тишине плотно падал мелкий снег, и мне вдруг захотелось выйти и погулять.

– Оль, давай погуляем чуть-чуть? Вот и сигареты кончились.

– Да ты что, с ума сошел, четвертый час ночи! – но глаза у жены озорно блеснули.

– Да ладно тебе ломаться. Впервой что ли? Пройдем до «Яра». Там как раз палатка «24 часа». Я сигареты куплю – и обратно. Подышим чистым воздухом – на улице тишина. Только оденься потеплее, а то опять температура поднимется.

Ольга без лишних слов повернулась к гардеробу. Я благодарно посмотрел ей в след, и начал натягивать на ноги ботинки...

На следующий день я позвонил Геннадию Дмитриевичу и договорился с ним встретиться. Встреча должна была состояться вечером того же дня, и я, наспех закончив свои дела в редакции, в шесть уже сидел за чашкой чая у старика. Выглядел он еще хуже, чем вчера – какой-то бледный, с нездо-

ровым лихорадочным румянцем на щеках.

– Геннадий Дмитриевич, насчет того, что вы дали мне вчера прочитать... – я как-то мялся, не зная, как начать разговор. Но про себя, по дороге сюда твердо решил без церемоний выведать у старика все насчет происхождения рукописи. – И есть у меня к вам вопросы.

– Да уж. Предполагаю, что найдутся – усмехнулся Геннадий Дмитриевич. – Настолько предполагаю, что уже даже почти пожалел, что отдал тебе эти бумаги.

– Поздно, Геннадий Дмитриевич. Поздно. Дело сделано. – Вяло отшутился я. – Так вот, откуда у вас этот сверток? Как он к вам попал? Первый вопрос...

– Андрей, давай так... – перебил меня старик, – я понимаю, что у тебя должны были возникнуть вопросы, и понимаю, что если уж я добровольно и собственноручно передал тебе этот сверток, то должен ответить тебе на кое-какие из них. Но пойми и ты меня, старика. Мне трудно объяснить все подряд не столько из-за нежелания этого делать, сколько из-за состояния здоровья.

Только теперь я заметил, с каким трудом ему удастся разговаривать. Почти после каждого произнесенного слова он тяжело переводил дыхание.

– У меня рак поджелудочной железы с метастазами в печень и, как я понимаю, жить мне осталось недолго. Это я узнал с месяц назад – долго убеждал врача сказать, что происходит. Если бы недавнее наше знакомство с ним, он бы не

сказал ни за что. Это уж точно... – старик грустно улыбнулся каким-то своим воспоминаниям.

– Извините... Геннадий Дмитриевич, что же вы мне не сказали?... Соболезную. Может, я не вовремя? – от неожиданности я начал бормотать всякую чушь и даже привстал, намереваясь уйти.

– Да садись ты, садись! Расслабься... – махнул он рукой. – Я это все к тому, что отвечать буду медленно и недолго. Остальное додумаешь сам – умный ведь!.. Так вот, откуда это у меня спрашиваешь? Досталось, вроде как, по наследству, – усмехнулся Геннадий Дмитриевич. – Я тебе не лгал, когда сказал, что имел дело с бумажками да папками... Я был какое-то время начальником того учебного комплекса, где закончил свои мемуары капитан Карташов.

Геннадий Дмитриевич сделал глоток минералки, слегка усмехнулся и продолжал:

– Понимаешь, Андрей, для него это было что-то вроде подведением итогов своей жизни. Сливом для эмоций. Выпусканьем паров, что ли...

Я забыл про чай, про болезнь старика. Мне уже расхотелось домой. Журналистский азарт, а впрочем, и элементарное любопытство взяло вверх надо мной.

– А как он, Геннадий Дмитриевич, все это свое творчество хранил в тайне? Как его не засекли хотя бы за письмом? Ведь, как я понимаю, условия жизни у него были не санаторные, правильно? – почему-то я перешел на шепот.

– Правильно, Андрюша. – Взгляд у старика стал чуть ли не озорной. – Я знал, что он пишет. Это я ему давал бумагу и ручку. Он меня попросил об этом.

– Тогда я ничего не понимаю. Зачем вам-то это нужно было? Для чего? Вам-то, какой был резон подставлять себя? Он-то смертник. – Я недоуменно посмотрел на старика – Ему все равно, но вам-то было что терять! В конце концов, учитывая степень его диверсионной подготовки, эту ручку он мог использовать, как оружие. А если бы заложил он вас? Или узнал бы кто? ...

Старик усмехнулся:

– Вон как заговорил! Прямо заправский разведчик... А это был уже мой личный слив, Андрюша. Наверно, это трудно объяснить тебе сегодня, но меня наша с ним связь даже как-то... тонизировала что ли. От конторы невозможно было утаить ничего. А я вот, хотел хоть это – да утаить! Понимаю, звучит странно, но объяснил, как смог. А насчет того, что заложил бы меня Карташов, или ручку использовал бы не для тех целей – не думаю. Опустошенный он был весь, какой-то вывернутый. Ему было все безразлично. Только во время тренировочных боев вроде как оживал. За это его в «учебке» очень ценили и побаивались, – Геннадий Дмитриевич глотнул минералки. – После того случая с арабом его долго не сцепляли с иностранцами, ждали пока ослабнет. Хороший был боец...

Старик откинулся в кресле и задумчиво опустил голову.

Я лихорадочно искал самые главные вопросы из миллионов, роящихся в голове.

– А почему вы? ... Почему он выбрал вас? ... Откуда он знал, что может обратиться к вам с этой просьбой насчет дневника, и вы ему не откажете?

Геннадий Дмитриевич заглянул внимательно мне в глаза и прежде чем ответить, почему-то выпрямился в кресле:

– Да потому что он был знаком со мной. Потому что я сам зашел к нему в камеру, когда узнал, кто сидит там. И потому что, Андрюша, я и есть... – тут старик чуть остановился, а я замер в ожидании. – Я и есть, – повторил он, – тот самый Осиллов, про которого писал Карташев.

От неожиданности я потерял дар речи. По-видимому, эмоциональное напряжение дорого далось старику, и одышка усилилась. Он хрипло дышал и уже был не бледным, а каким-то синюшным. Придя в себя, я поспешно налил ему минералки и пододвинул стакан. Сам же лихорадочно достал из пачки сигарету, прикурил ее, глубоко затянулся и с шумом выдохнул дым. Затянулся еще и только тогда посмотрел на старика.

Тому уже, вроде бы, чуть полегчало. Он горько усмехнулся, легонько, как бы с опаской, откашлялся:

– Да, Андрюша, я и есть тот самый полковник Осиллов. Ты, наверное, спросишь, почему у меня другая фамилия? А это фамилия жены. Я поменял свою на всякий случай, да и чтобы лишний раз не вспоминать ту свою жизнь... Контора

тоже, в принципе, не возражала.

Старик прижал платок ко рту и согнулся в резком приступе сухого надсадного кашля. Резко побледнел, на его лбу выступили капли холодного пота, четче выделились темные круги под глазами. Когда он отнял платок ото рта, на платке появились пятна крови. Я быстро погасил сигарету. Надо было закругляться, состояние старика ухудшалось на глазах, а столько вопросов хотелось еще задать. Наконец он немного пришел в себя:

– Геннадий Дмитриевич, а почему в Лондон с этим чемоданом? Я понимаю: «дипломатическая неприкосновенность», но это же была бомба! С таким грузом – и так рисковать! И зачем, если рядом были дружественные страны третьего мира, через которые этот чемоданчик без проблем и головной боли можно было бы доставить в Союз? В чем был смысл этой рискованной поездки в Лондон? Точнее, транспортировки такого груза через Лондон в Москву.

Геннадий Дмитриевич пристально посмотрел мне в глаза и спокойно произнес:

– А груз и поехал в Москву. Он был отправлен, как только они передали его Летягину во Вьетнаме. – Старик усмехнулся. – Чемоданчик, который передали мне в Лондоне, был бутафорией, обычной «пустышкой»! Я никогда не видел того груза, о котором пишет Карташев.

От неожиданности я с шумом, чуть не поперхнувшись, выдохнул сигаретный дым и уже открыл было рот, чтобы за-

дать встречный вопрос. Но старик опередил меня:

– Ко мне в Лондон они были отправлены с целью проверки на «вшивость». И Карташев поначалу, вроде бы, эту проверку прошел. – Старик отпил воды и продолжал. – Я понимаю, ты спросишь, а почему в Лондон, ведь эту проверку можно было бы организовать и в Москве? В принципе, можно было бы, но конторе нужна полная изоляция сотрудников от привычной среды, и изоляция не принудительная, а, как бы это сказать, по бытовым причинам – вроде как, по работе. Вот и отправили их ко мне.

Я понимал, что дальше пытаться старика бесчеловечно, но мне нужно было задать ему хотя бы последний, самый главный вопрос, мучивший меня:

– Геннадий Дмитриевич, – почему-то тихо начал я. – А что случилось с Карташовым дальше? Как эта рукопись оказалась в конце концов у вас? И почему вы решили только сейчас передать ее мне и рассказать обо всем этом? – я не сдержался и вместо одного, получилась куча вопросов. – Извините, Геннадий Дмитриевич, но мне это нужно знать. Ответьте – и я уйду. Вы уж извините меня, что мучаю вас так...

Старик понимающе кивнул головой и снова глотнул минералки. Мои пальцы автоматически вытянули сигарету из пачки, но, вспомнив, как старику стало плохо, я поспешно убрал ее обратно.

– Понимаешь, Андрей, я просматривал свои документы, наткнулся на этот дневник и вспомнил о тебе. Что ты со

всем этим сделаешь, я ориентировочно представляю, но меня это мало тревожит. Оттуда я, естественно, убрал некоторые страницы, а тем, что у тебя имеется сейчас, никого особо не удивишь. Единственное мое условие: если решишь это опубликовать, то только после моей смерти. Проблемы с которой меня не тревожат. Что они мне могут уже сделать? Просто хочется спокойно прожить свои последние дни. Судя по всему, как видишь, осталась самая малость – он невесело усмехнулся и выжидающе затих.

Я заерзал в кресле:

– А что случилось с Карташовым, Геннадий Дмитриевич? Простите, но это мне важно знать, да и интересно? ...

Старик сидел, откинувшись в кресле. Не глядя на меня, он ответил:

– То же, что и с другими. Когда он окончательно ослаб, я зашел к нему, и он передал мне бумаги... Чудес на свете, Андрюша, не бывает. Карташов знал, что с ним будет... «Последняя фаза боя», она у всех «кукол» одна... Ты уж извини – устал я очень...

Через неделю Геннадий Дмитриевич скончался в Онкоцентре на Каширке от рака поджелудочной железы с множественными метастазами.

Хоронили его на Домодевском кладбище рядом с женой. Людей на похоронах было немного – четверо пожилых стариков да мы с Ольгой. С неба падал редкий снег, и морозный воздух пощипывал нос при каждом вдохе.

Вдруг я обратил внимание на одиозную группу: трое высоких мужчин в дорогих пальто шли, не спеша, по проходу между могилами в нашем направлении.

Посередине и чуть впереди шагал пожилой, но хорошо сохранившийся мужчина. Высокий лоб, серые, стального отлива, глаза, седые без залысин волосы. Человек этот выглядел бы красивым, если бы не глубокий шрам от правого уха к подбородку, обезображивающий правую половину лица. Мужчина шел пружинистой и одновременно расслабленной походкой, властно и безразлично разглядывая нашу немногочисленную группу. По бокам и чуть позади него двигались двое накачанных рослых парней, равнодушно смотревших по сторонам. И пока группа подходила к нам, я, вглядываясь в лицо этого человека, мучительно пытался понять, почему оно меня так заинтересовало. Я всматривался в это лицо, в этого человека – и пытался что-то вспомнить. Что-то очень знакомое.

Группа подошла к нам и встала несколько поодаль от остальных. Некоторые из скорбящих узнали вновь пришедшего и подобострастно поздоровались с ним. Тот сдержанно кивнул в ответ и застыл, глядя куда-то вперед. Двое молодых людей почтительно отошли от своего хозяина и теперь стояли рядом друг с другом, молча и разглядывая нас безразлично-пренебрежительным взглядом.

Я всматривался в этого человека и никак не мог отделаться от ощущения, что я где-то видел это лицо. Какие-то ас-

социации мучительно роились у меня в голове, не складываясь в воспоминание. Я так упорно и, по-видимому, бестактно разглядывал его, что он стал бросать недоуменные взгляды в мою сторону, и я поспешно отвернулся.

Было ощущение забытого слова, которое вроде помнишь, которое вроде на языке, и ты уверен в том, что знаешь его и вот сейчас произнесешь – и не вспоминаешь! ...

Что-то вертелось у меня в голове, но не оформлялось в конкретную мысль!

После окончания церемонии тройка так же безмолвно направилась к выходу. Я никак не находил себе места. Наконец, не выдержав, подошел к старику – одному из тех, которые подобострастно поздоровались с заинтересовавшим меня человеком. Тот, запахнув пальто, уже намеревался уходить. Я окликнул его:

– Простите, бога ради. Не подскажете мне, кто тот человек? – и я кивнул в сторону удаляющейся тройки. – Лицо очень знакомое, а вспомнить никак не могу. Вот и мучаюсь. Может, обознался. Узнаю, что ошибся – хоть успокоюсь... – я виновато улыбнулся.

Старик посмотрел на меня удивленно. Как-то по-птичьи наклонил голову, чуть подумал:

– Генерал-лейтенант ФСБ... Константин Сергеевич Лебедь, молодой человек. – С превосходством объявил он. Потом снисходительно, с высоты своих знаний, добавил, критически оглядев меня. – Вы, наверняка, обознались. Навряд

ли вы могли с ним где-либо встретиться.

Я обомлел!

Мгновенно все встало на свои места!

Костя Лебедь – тот, кого заложил Карташов! ...

Костя Лебедь – тот, кто подставил Карташова! ...

Так он, значит, действительно проверял Карташова, как выразился Осилон, на «вшивость»!

Все учел Геннадий Дмитриевич, изымая из свертка лишние страницы. Не предусмотрел только то, что на его похороны придут одновременно Костя Лебедь и человек, которому он передал рукопись, из которой не изъяс (случайно ли?) пару лишних слов с описанием внешности того человека.

А может, это была последняя игра старого чекиста, и ходы эти он предусмотрительно рассчитал заранее? ...

Слепой случай, как часто бывает в жизни, все расставил по местам. Красивой истории о предательстве и раскаянии с искуплением не получилось. Получилась просто история о предательствах!

Старик, ответивший мне на вопрос, поправил старомодную каракулевою шапку на голове и продолжал смотреть на меня выжидающе и чопорно.

– Да, действительно. Обознался... – пробормотал я и отошел от старика. – Спасибо... Извините за беспокойство! – Старик покачал головой и степенно последовал за остальными.

Я ошарашено, как сомнамбула, двинулся вслед за выхо-

дядями людьми, лихорадочно размышляя и вставляя недостающие детали в открывшуюся картину. За мной поплелась недоумевающая Ольга.

Я автоматически следил взглядом за Константином Сергеевичем Лебедем, и тот, заметив это, раздраженно подошел к представительскому БМВ. Один из молодых, мгновенно подметив изменение настроения у хозяина, услужливо распахнул перед ним дверь, и Костя Лебедь, бросив в последний раз на меня недовольно-настороженный взгляд, скрылся в уютном чреве лимузина. Машина, тяжело подминая под себя снег, медленно отъехала от тротуара и влилась в общий поток. Так Костя Лебедь, сам не подозревая об этом, через двадцать шесть лет сделал собой последний «стежок» на истории жизни капитана Степана Карташова.

Я стоял, как оглушенный, и смотрел вслед отъезжающему лимузину. Миллион вопросов роились в моей голове, но задать их было уже некому. Неужели старик сыграл со мной свою последнюю игру? ... Неужели и у смертного одра Геннадий Дмитриевич лукавил, выдавая мне заведомо ложную информацию? ...

Тогда зачем вообще выдавать ее мне? ... Захотелось славы? Да на хрен ему слава посмертно! Не из того теста он был сделан, чтобы так мыслить. Тогда что же выходит? Вопросы! Вопросы! Они роились в голове и словно непослушные дети не давали сосредоточиться.

Мы с Ольгой уже подошли к машине и сели в нее. Я осто-

рожно вырुлил на дорогу и нажал на газ, пытаясь ездой отвлечься от досаждающих мыслей.

– Андрюша, а о чем ты в последний раз так долго говорил с Геннадием Дмитриевичем? Пришел весь бледный, долго сидел, курил, читал и перечитывал что-то?

Ольга, по-видимому, уже несколько раз повторяла свой вопрос, так как сейчас он сопровождался легким толчком в бок.

– А ... Да так, малыш. Ни о чем особенном. Просто старику захотелось поболтать...

Дворники машины усиленно работали, счищая обильно сыплющийся с неба снег на ветровое стекло...

Прошел месяц после похорон Геннадия Дмитриевича, и я никак не мог решить, что делать с рукописью. То так, то эдак я расписывал сюжет. То думал сделать статью, то рассказ. Временами вспоминал встречу на кладбище, и меня пробирал страх. Я подумывал выбросить рукопись куда-нибудь и забыть о ней.

Наконец я решился. Поменял для интриги местами хронологию в рукописи, подправил кое-что, кое-где навел легкий литературный макияж. И изменил, от греха подальше, все имена и названия. И получился этот рассказ светлой (а может, темной?) памяти Геннадия Дмитриевича.

Андрей Хариг

Москва, 1999 год.

Часть II

Крысиный Король

... этот метод был придуман в Средние века мореплавателями.

Крысы – источник множества бед на корабле. Это угроза заболевания чумой и потеря продуктов питания, и просто негативное психологическое воздействие.

Мореплаватели отлавливали десяток крыс и сажали их в закрытую решетками бочку. Не имея еды, крысы были вынуждены пожирать друг друга. Наконец в бочке оставалась только одна крыса, самая сильная и агрессивная, которая уже не могла питаться ничем другим, как только себе подобными. Это и был «крысиный король». «Крысиного короля» пускали в трюм, где он начинал методически уничтожать себе подобных. Причем уже не только для еды.

В нем вырабатывался инстинкт каннибала...

Лондон, 18.07.02

К вартира была обставлена удобно и со вкусом, что, в принципе, не являлось ничем особенным для респектабельного западного квартала Кенсингтона. Чувствовалось, что здесь живут люди с достатком, получившие хорошее образование. Пол гостиной, обставленной в постмодернистском стиле, с легким налетом hi-tech минимализма, устилал свет-

ло-бежевый ковер с коротким ворсом, и если бы не туфли на каучуковой подошве, он должен был бы, приятно согревать босые ноги. На стенах висели картины художников английской школы: два Констебля, один Морленд, один Гейнсборо и на редкость хороший Капли Филдинг – без сомнения подлинники. Большое витражное окно смотрело на сонную мощеную Кенсингтон-Хай-стрит, которую обрамляли с двух сторон типично лондонские вязы. Стоящий рядом с окном большой дубовый письменный стол, хоть и не вписывался в стиль комнаты, но и странным образом не портил общий вид.

Мужчина внимательно осмотрел стол, аккуратно убрал руку, свисающую со столешницы и мешающую открыть ящик стола, выдвинул его, достал оттуда все документы, потом скопировал жесткий диск компьютера на свой, переносной. После этого достал флакончик с жидкостью и аккуратно залил все платы процессора в компьютере. Едкая жидкость, пузырясь с шипением, начала растворять содержимое процессора. Мужчина поморщился от вони, которая распространилась по комнате. Капля жидкости попала на босую ногу человека, сидящего в кресле перед столом, и начала разъедать кожу, но тот не шелохнулся: ему было уже все равно...

Последний раз оглядев комнату, мужчина сложил документы с жестким диском в кейс, вышел из квартиры, бесшумно прикрыл за собой дверь и, выйдя во двор, не спеша, пересек его; потом прошел по мощеной улице в сторону

кафе напротив, сел за свободный столик, заказал «кофе повосточному» с ледяной водой, развернул «Индепендент» и начал читать. Через большое витражное стекло уютного кафе прекрасно просматривался вход в здание. Ночью он вывел из строя камеры наблюдения всего дома, и по всем расчетам, техническая служба, обслуживающая здание, должна была скоро прийти, чтобы исправить поломку. Он привык во всем быть убежденным на все сто, поэтому решил дождаться прихода специалистов по видеонаблюдению. Минут через тридцать подъехала служебная машина с опознавательными знаками технической службы. Водитель вышел, достал чемоданчик и неспешно направился к подъезду...

Теперь можно было уходить. Допив кофе и расплатившись с официантом, мужчина направился к выходу. Выйдя на улицу, прошел пешком один квартал, до Холланд-парка, сел в припаркованный серый «мини-купер» и аккуратно выехал на дорогу. На Кенсингтон-Хай-стрит машин заметно прибавилось, и движение замедлилось до катастрофических масштабов. Доехав до Кенсингтонского вокзала, он нанял камеру хранения, опустил туда кейс, набрал код, не спеша, вышел из здания и сел в автомобиль. Затем достал содовый телефон и набрал единственный сохраненный в нем номер. После второго зуммера на том конце ответили. Мужчина произнес:

– Все готово, – и отключил телефон.

Потом достал «айпод», связался по Интернету с банком,

проверил свой лицевой счет, удостоверившись, что на него только что осела шестизначная сумма, снова включил сотовый телефон и отправил по нему сообщение на тот же номер с названием вокзала, номером ячейки и кодом доступа. Затем, аккуратно разобрав телефон, выкинул его части в урну и сточную канаву.

Начал накрапывать мелкий редкий дождь, и движение на Ледбари стрит, куда свернул мужчина, совсем застопорилось. Через двадцать минут прозвучал зуммер на маленьком брелоке, валявшемся на сиденье рядом – значит, сейф открыли. Мужчина достал батарейку из брелока, выбросил его в окно и свернул в сторону Хамерсмита. Наступило время обеда, а на Кинг-стрит был небольшой польский ресторан с хорошей кухней...

«Сити А. М.» (вечерний экстренный выпуск) 18.07.02
«Сегодня утром был убит брат мэра Лондона Кроули Джейсон. Полиция не делает никаких комментариев по поводу этого сенсационного убийства! Подробности происшествия редакции пришлось выяснять самой. По нашим источникам, Кроули Джейсон находился дома один и завтра должен был выехать в Йоркшир, в свою загородную резиденцию, где собирался провести месяц в кругу семьи. По неофициальным данным, за неделю до происшествия он обращался в агентство Пинкертон с целью установки дополнительных замков на двери своего дома на Кенсиг-

тон-Хай-стрит и резиденции в Йоркшире. Единственное заявление с «Бейкер-стрит», которое пока что сделал шеф полиции Ральф Маккормик, гласит: «На расследование убийства брошены лучшие силы страны, и будет сделано все возможное, для того, чтобы виновные были выявлены!». Ну что ж, будем ждать дальнейшего развития событий...»

I

1

В 2000 году в Москве меня звали Андрей Хариг, и был я когда-то более-менее серьезным журналистом.

Как и все мы, в молодости я был уверен, что рожден на свет для создания чего-то нетленного и прекрасного. Но с возрастом и это заблуждение кануло в Лету. Даже попытался издать публицистический рассказ про одного ГРУшника. Но, собственно, как и все в моей жизни, это начинание тоже не получило своего логического завершения.

Про рассказ несколько подробнее, так как к нему я питаю особую слабость. Написал я его после того, как мой сосед по даче, бывший чекист Геннадий Дмитриевич, передал мне для прочтения рукопись, исписанную мелким, убористым почерком.

Я почитал. Потом обомлел... Потом долго думал, как от-

несть к прочитанному и решил, что надо сначала поговорить с Геннадием Дмитриевичем. Оказалось, что все прочитанное мною не вымысел...

Записки были написаны ГРУшником-смертником, которого за измену Родине превратили в «куклу». В учебках секретных военных заведений довольно часто практиковали бои с приговоренными к смертной казни. А этот был «особо ценным» расходным материалом – мог еще и сам пнуть. Идеальный тренажер...

Словом, записки такого человека и попали ко мне благодаря Геннадию Дмитриевичу. Карташов, тот самый ГРУшник, писал о своей жизни. О том, как его обвинили в измене, как он попал в учебку в качестве «куклы» после того, как «привели в исполнение» его смертный приговор.

Чтиво было занимательное, а после беседы с Геннадием Дмитриевичем стало интригующим. Оказалось, что Геннадий Дмитриевич сам дал ему бумагу с ручкой и подстрекал к написанию этих мемуаров. Вот Карташов и писал. Написал обо всем: о том, как предал своего соратника и друга, насколько приемлемо это понятие к его профессии, как потом «сломался» и его «нейтрализовала» его же «контора». А поскольку мой сосед по даче, Геннадий Дмитриевич Осипов, работал начальником того учебного заведения, где Карташову определили судьба и Партия закончить жизнь «куклой», то мемуары эти, естественно, достались ему, а он, предварительно изъязв особо стремные места, зимним вечером

1998 года передал их мне. История была захватывающая, особенно с учетом того, что не фальшивка.

Через неделю после передачи мне рукописи, Геннадий Дмитриевич умер от рака поджелудочной железы. У меня же на руках остались записки капитана Карташова, где он достаточно подробно, даже несколько мазохистично рассказывал, как предал своего друга Костю Лебеда, а заодно описал и его внешность, и случай во Вьетнаме, благодаря которому тот получил безобразный шрам на лице.

К тому времени мой быт стал достаточно стабильным – жена, ребенок, непыльная работа журналиста и, учитывая деньги за две квартиры, сдаваемые мной внаем, приемлемый доход. И опубликовать эту «бомбу» с сомнительной начинкой я совсем не собирался.

Все изменилось, когда мы с женой пошли на похороны Геннадия Дмитриевича. Там, среди немногочисленных «провожающих» Осиллова я и увидел пожилого человека с охраной и с безобразным шрамом на лице. Когда я спросил о нем у одного из старичков, ответ того поверг меня в смятение. Это был генерал-лейтенант ФСБ Константин Сергеевич Лебедь. Картина складывалась совершенно иная. Оказалось, это большой вопрос – кто кого предал! ... И еще больший вопрос: для чего дал мне рукопись Осиллов!.. И главное: что мне со всем этим делать?!..

Соблазн был велик, и я не сдержался. Поменял имена, места, хронологию. Что-то довыдумывал для полноты карти-

ны и попытался издать рассказ, отправив его в издательский дом «Альт-Пресс».

Кроме всего прочего был еще и шкурный интерес. Поганый 1998 год – год дефолта! Когда гордые граждане страны, «победившей капитализм», вдруг поняли, что они никого не интересуют, и других перспектив, кроме как стать нищими, у них к своему ужасу, нет! Рубль, обесценившись в десять раз за сутки, стремительно и окончательно превратился в фантик, несмотря на оптимистические заявления премьера, смахивающего на растерянного очкарика из интерната для идиотов. Жильцы, снимавшие у меня квартиры, тоже обнищали, а выгнать их на улицу как-то не поднималась рука. Вот я и жил обещаниями, что «в следующем месяце обязательно оплатим за те два» и так далее, по нарастающей... Исходя из вышеизложенного, мне показалось, что можно будет заработать, продав свой рассказ. Да и на дворе, какая-никакая, а ДЕМОКРАТИЯ...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.